
HDI
HL 1RbV 7

Д. НЕВЯДОМСКІЙ.

ВѢЧНЫЕ ВОПРОСЫ АДВОКАТУРЫ

ПО ПОВОДУ

„ЭТЮДА ПО АДВОКАТСКОЙ ЭТИКѢ“

ГР. ДЖАНШІЕВА.

МОСКВА
Типо-Литографія М. И. Нейбюргеръ, Мясницкая, Юшковъ пер., соб. д.
1886

Д. НЕВЯДОМСКІЙ.

ВѢЧНЫЕ ВОПРОСЫ АДВОКАТУРЫ

ПО ПОВОДУ

„ЭТЮДА ПО АДВОКАТСКОЙ ЭТИКѢ“

ГР. ДЖАНШІЕВА.

МОСКВА
Типо-Литографія М. И. Нейбюргеръ, Мясницкая, Юшковъ пер., соб. д.
1886

Дозволено Цензурою. Москва, 29 Мая 1886 г.

ВѢЧНЫЕ ВОПРОСЫ АДВОКАТУРЫ

(по поводу „этюда по адвокатской этикѣ“ **Гр. Джаншіева**).

Словесемъ твоимъ сотвори вѣсъ и мѣру и устамъ твоимъ сотвори дверь и завору.

Іисусъ сынъ Сираховъ.

Обращаться со словомъ нужно честно. Бѣда произносить его писателю, когда онъ находится подъ вліяніемъ страстныхъ увлеченій досады, или гнѣва, или какого нибудь личнаго нерасположенія къ кому-бы то ни было,—словомъ, когда не пришла еще въ стройность его собственная душа; изъ него такое выйдетъ слово, которое всѣмъ опротивѣетъ; и тогда съ самымъ чистѣйшимъ желаніемъ добра можно произвести зло.

Гоголь.

I.

Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Лохвицкій приводитъ такое изреченіе нѣкоего политическаго человѣка: „дайте мнѣ одну строчку какого-нибудь писателя, и я берусь повести его на эшафотъ“ *). Такой строчкой послужила г. Гр. Джаншіеву наша коротенькая замѣтка-некрологъ, помѣщенная въ *Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго права* за 1884 г., № 6, и посвященная памяти только что умершаго тогда присяжнаго повѣреннаго доктора правъ А. В. Лохвицкаго. Выхвативъ нѣсколько отдѣльныхъ фразъ изъ этой замѣтки и дополнивъ ихъ тирадами особаго запаха и собственнаго

*) *Обзоръ современныхъ конституцій,* ч. 2. стр. 79.

измышленія, г. Джаншіевъ изобразилъ автора скромной замѣтки представителемъ яко-бы зарождающейся у насъ школы адвокатовъ, открыто проповѣдующихъ полную независимость адвокатуры отъ какихъ бы то ни было нравственныхъ началъ. Измысливъ такую школу, снабдивъ ее разными нелѣпыми положеніями, г. Джанщіевъ вступаетъ въ борьбу съ „тлетворнымъ вліяніемъ“ этого „ложнаго ученія, построеннаго на правильномъ въ самомъ себѣ основаніи“ (?); съ этою цѣлью, въ назиданіе неопытнымъ, пишетъ онъ свой *этюдъ по адвокатской этикѣ* съ крикливымъ, зазывающимъ заглавіемъ: „Веденіе неправыхъ дѣлъ“. Приписавъ „школѣ“ разныя несообразности, авторъ побѣдоносно разбиваетъ ихъ, и чѣмъ нелѣпѣе придуманные имъ тезисы, тѣмъ торжественнѣе оказывается его побѣда. И въ самомъ дѣлѣ, какъ не торжествовать, когда представляется случай явиться поборникомъ великихъ этическихъ идеаловъ да еще въ такой средѣ, гдѣ будто-бы о нихъ не имѣютъ никакого понятія! г. Джаншіевъ касается вѣдь такой стороны вопроса, „которая никогда не обращала на себя вниманія нашихъ публицистовъ и юристовъ!“ *) И такъ, ни кто другой, какъ онъ, Гр. Джаншіевъ, первый указываетъ и публицистамъ, и юристамъ высокія задачи адвокатуры, онъ первый объясняетъ имъ правила адвокатской этики! А вы, молодые адвокаты, ради воспитанія которыхъ написанъ этотъ этюдъ, слѣдуйте за авторомъ его, ибо одинъ онъ только можетъ указать вамъ тропу, ведущую

... на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ ростетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ...

Этимъ державинскимъ стишкомъ самодовольный авторъ и кончаетъ свой трудъ. Какъ велико въ глазахъ его значеніе этого труда, видно изъ того, что послѣдній былъ доложенъ въ одномъ изъ собраній 3-ей группы помощниковъ присяж-

*) См. *Веденіе неправыхъ дѣлъ*, первая стр. предисловія.

ныхъ повѣренныхъ въ Москвѣ *), затѣмъ напечатанъ въ *Русской Мысли* и наконецъ изданъ особой брошюрой подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ.

Въ предисловіи своемъ г. Джаншіевъ сѣтуетъ на то, что наша адвокатура не выработала еще такой школы, въ которой начинающій адвокатъ могъ-бы ознакомиться съ корпоративными традиціями и идеалами.

„Гдѣ и у кого,—пишетъ онъ: узнаетъ молодой абитуріентъ, стучащійся въ двери русской адвокатуры, объ обязанностяхъ своего званія? замѣчу прежде всего, что двери эти вообще довольно крѣпко заперты для молодыхъ людей: какъ въ средніе вѣка, прежде, чѣмъ войти въ городъ, нужно было заручиться чьимъ-либо патронатствомъ, такъ и молодой адвокатъ долженъ приписаться къ патрону; но вотъ приписка состоялась, и народился новый членъ корпораціи, но гдѣ-же корпорація и гдѣ ея воспитательныя учрежденія?—пусто кругомъ... Корпоративные традиціи, идеалы — это tabula rasa"...

Положимъ, двери русской адвокатуры теперь совсѣмъ не заперты ни для молодыхъ, ни для старыхъ людей, желающихъ войти въ нихъ: г. Джаншіевъ не знаетъ, что его „средніе вѣка" для русской адвокатуры уже миновали, такъ какъ теперь пройти въ присяжные повѣренные можетъ даже всякій частный ходатай, имѣющій за собою образовательный и нравственный цензъ и занимавшійся судебною практикою не менѣе 5 лѣтъ **). Но это мимоходомъ. Посмотримъ, какъ и чѣмъ наполняетъ авторъ указанную имъ tabulam rasam.

---

*) Объ этомъ докладѣ мы узнали только изъ предисловія къ брошюрѣ г. Джаншіева, который, вѣроятно, находилъ болѣе удобнымъ, чтобы рефератъ его прошелъ безъ возраженій; на сколько такое удобство можетъ имѣть воспитательнаго значенія, предоставляемъ обдумать самому г. Джаншіеву.

**) Рѣш. общ. собр. касс. деп. сената 1884 г. № 7.

II.

Безспорно, что самымъ жизненнымъ вопросомъ адвокатуры является вопросъ о такъ называемомъ *выборѣ дѣлъ*. Имѣетъ-ли адвокатъ право принимать на себя веденіе всякихъ дѣлъ безъ разбора, хотя бы и завѣдомо-неправыхъ, или-же онъ долженъ выбирать дѣла? если послѣднее, то какой принципъ долженъ лежать въ основаніи выбора?— Несмотря на то, что вопросы эти занимали и занимаютъ лучшихъ представителей юридической науки и практики, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, вопросы эти, по выраженію проф. А. Н. Стоянова, остаются до сихъ поръ *вѣчными* въ адвокатурѣ. Вотъ почему всякій новый трудъ, всякая новая попытка, направленная къ разрѣшенію этихъ вѣчныхъ вопросовъ, заслуживаютъ полнаго вниманія и уваженія.

Съ этой точки зрѣнія хотѣли было мы взглянуть и на этюдъ г. Джаншіева; „Веденіе неправыхъ дѣлъ",—да вѣдь это какъ разъ и отвѣтъ, думали мы, — это разрѣшеніе безплодно до сихъ поръ мучившаго насъ вопроса! Увы! съ лишнимъ пятьдесятъ страницъ разговора, преисполненнаго личныхъ нападокъ и умѣстнаго въ фельетонѣ извѣстнаго листка—и ровно ничего въ оправданіе вышеуказанныхъ надеждъ! Все, что требуется для фельетона, вы найдете здѣсь въ подобающемъ сочетаніи: Шиллеръ чередуется съ кассаціонными рѣшеніями, дѣло Элькина съ политикой Аристотеля, Гоголь съ журналами государственнаго совѣта... И все это трактуется съ развязностью и слогомъ истаго фельетониста. Le style est tout l'homme, между прочимъ, значится въ эпиграфѣ къ этюду.

Уклонившись отъ разрѣшенія главнаго вопроса,—что будетъ объяснено ниже,—г. Джаншіевъ полагаетъ совершенно достаточнымъ ограничиться ссылкою на англійскую и французскую адвокатуру. „Возьмите, восклицаетъ онъ: страны съ образцовою адвокатурою — Англію, Францію"! Что именно хорошаго въ адвокатурѣ этихъ странъ, что достойно подра-

жанія,— авторъ не объясняетъ; онъ говоритъ только, что въ Англіи въ рядахъ адвокатуры стояли Кокъ и Томасъ Муръ, а во Франціи такъ одинъ адвокатъ былъ даже причисленъ къ лику святыхъ.

Не станемъ спорить, что изъ русскихъ адвокатовъ такихъ праведниковъ пока не было, хотя г. Джаншіевъ, вѣроятно, согласится съ тѣмъ, что таковые, можетъ быть, еще и окажутся. Послѣдуемъ лучше приглашенію нашего этика, возьмемъ образцовыя адвокатуры Англіи и Франціи и посмотримъ, дѣйствительно ли все обстоитъ тамъ такъ благополучно.

III.

Наблюдая явленія дѣйствительной жизни и нравы англійской адвокатуры, знаменитый британскій юристъ Іеремія Бентамъ построилъ цѣлую теорію адвокатуры, вполнѣ, по его мнѣнію, отвѣчающую какъ основнымъ началамъ состязательнаго процесса, такъ и живой дѣйствительности.

Судья, по Бентаму, долженъ быть олицетвореніемъ всѣхъ нравственныхъ началъ, безъ коихъ не мыслимо правосудіе; главнѣйшимъ образомъ онъ совмѣщаетъ въ себѣ справедливость и постоянное стремленіе къ исправленію и улучшенію законовъ, всегда и всюду отстающихъ отъ жизни. Справедливое рѣшеніе судьи основывается на безпристрастной оцѣнкѣ доводовъ заинтересованныхъ сторонъ; чѣмъ болѣе заинтересованы эти стороны въ исходѣ процесса, чѣмъ страстнѣе или даже пристрастнѣе ихъ объясненія, тѣмъ вѣрнѣе достигается конечная цѣль процесса — правосудіе. Такимъ образомъ, самая идея состязательнаго процесса требуетъ борьбы двухъ противуположныхъ началъ, и чѣмъ ожесточеннѣе эта борьба, чѣмъ болѣе крайнія положенія занимаютъ стороны, тѣмъ скорѣе будетъ выясняться истина. Отсюда уже видно, какая роль въ процессѣ отводится адвокатурѣ.

Въ сочиненіи своемъ *О судебномъ устройствѣ и законодательствѣ* Бентамъ рисуетъ намъ такой типъ адвоката: онъ

принимаетъ на себя веденіе всякаго дѣла, не смущаясь тѣмъ, право оно или не право; личныя убѣжденія его и личныя представленія о нравственности или безнравственности домогательствъ его кліента не играютъ здѣсь никакой роли; адвокатъ долженъ помнить, что всякія нравственныя тенденціи его скорѣе могутъ портить, чѣмъ помогать дѣлу, почему онъ обязанъ подавлять въ себѣ всякій внутренній протестъ, *заглушать голосъ собственной совѣсти*, если-бы таковая когда-либо заговорила. Всѣ усилія адвоката должны быть направляемы къ одному — чтобы доставить торжество защищаемой имъ сторонѣ. Это единственная цѣль, которая должна регулировать всю дѣятельность адвоката по веденію принятаго имъ на себя дѣла. Соотвѣтственно сему онъ обязанъ пользоваться всякой неточностью или недомолвкой закона, всякимъ промахомъ противника, онъ можетъ, гдѣ слѣдуетъ, искажать самые факты, дабы освѣтить или затемнить дѣло, смотря по тому, что будетъ въ интересахъ его кліента. Такимъ образомъ, дѣятельность адвоката направляется иногда къ поддержанію права, а иногда къ разрушенію его; одинаково прилагаетъ онъ свои знанія и усердіе къ тому, чтобы раскрыть истину, и къ тому, чтобы воспрепятствовать ея раскрытію. Такимъ *есть и долженъ быть* адвокатъ по самой природѣ своей профессіи. Конечно, прибавляетъ Бентамъ, бываютъ *уклоненія* отъ этого общаго типа, встрѣчаются адвокаты, руководствующіеся соображеніями болѣе высшаго порядка, но во первыхъ, дѣлать эти уклоненія нормальнымъ типомъ нельзя, ибо разсчитывать на столь рѣдкую добродѣтель глупо, а, во вторыхъ, самыя уклоненія эти вовсе не желательны.

Казалось-бы, какъ должно было относиться общество къ представителямъ такой возмутительной профессіи, какою рисуетъ адвокатуру англійскій юристъ? между тѣмъ Бентамъ увѣряетъ, что общественное мнѣніе страны хорошо различаетъ личныя достоинства человѣка отъ тѣхъ, кои должны быть присущи ему въ силу его обязанностей. Въ этомъ от-

ношеніи онъ сравниваетъ адвоката съ актеромъ, котораго никто не станетъ осуждать за то, что ему приходится изображать изъ себя изверга и злодѣя. Совершенно также и въ адвокатурѣ слѣдуетъ различать человѣка и его профессіональную роль *).

Превосходной иллюстраціей къ изложенной теоріи Бентама можетъ служить извѣстный процессъ безподобнаго мистера Пиквика съ миссисъ Бардль; оказывается, что картина всѣхъ этихъ махинацій, какія продѣлывали гг. Бусфуцъ, Додсонъ и Фоггъ, отнюдь не злая каррикатура на англійскіе адвокатскіе нравы: великій сатирикъ рисовалъ прямо съ натуры.

Въ своей спеціальной статьѣ, посвященной англійской адвокатурѣ, проф. Стояновъ говоритъ о настоятельной необходимости реформъ въ самой организаціи этого института, о томъ, что эта необходимость сознается лучшими умами Англіи, но что всякая попытка, направленная къ улучшенію адвокатуры, встрѣчаетъ сильную оппозицію со стороны старѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ членовъ самой-же адвокатуры. Каковъ общій характеръ послѣдней, свидѣтельствуютъ слѣдующія строки почтеннаго профессора: „если-бы мы, *сдѣлавши насиліе надъ своимъ воображеніемъ*, предположили внутреннюю борьбу между Богомъ и маммономъ въ душѣ каждаго англійскаго адвоката, то исходъ этой борьбы въ громадномъ большинствѣ случаевъ долженъ былъ оканчиваться низложеніемъ Ормузда и торжествомъ Аримана“ **).

Мы видѣли теперь, какова „образцовая“ адвокатура въ Англіи. Ясно, что ставя ее въ примѣръ новиціату нашей адвокатуры, г. Джаншіевъ просто „не въ тотъ дубъ попалъ“.

Что касается французской адвокатуры, то съ легкой руки

---

*) Интересующихся болѣе подробнымъ изложеніемъ теоріи Бентама и научнымъ разборомъ ея отсылаемъ къ прекрасной статьѣ А. Барыкова: *Защита по уголовнымъ дѣламъ*. См. *Юрид. Вѣстникъ*, 1878 г. №№ 9—11 и 1879 г. № 8.

**) *Англійская адвокатура*, А. Н. Стоянова. См. *Юрид. Вѣстникъ*, 1880 г. № 8, стр. 592.

г. Арсеньева у насъ принято слагать въ честь ея лишь одни дифирамбы. Не обращая вниманія на то, что восторженные отзывы г. Арсеньева относятся главнымъ образомъ къ догмѣ французской адвокатской школы, наши заурядные фельетонисты, привыкшіе пѣть съ чужаго голоса, только и затвердили одно: „вотъ образцовая адвокатура! вотъ, гдѣ искать воплощенія высокихъ этическихъ идеаловъ!“ Между тѣмъ, французская адвокатура, взятая en masse, представляетъ разительный примѣръ того, какъ вообще далека дѣйствительность отъ идеала. „Практика французскихъ судовъ, говоритъ г. Барымовъ: представляетъ гораздо болѣе примѣровъ осуществленія бентамовскихъ принциповъ, чѣмъ въ какой-либо другой сторонѣ, не исключая и самой Англіи“ *). Только этимъ, конечно, можно объяснить себѣ слухъ, сообщенный недавно газетами, будто въ правительственныхъ сферахъ Франціи идутъ уже разговоры на тему объ упраздненіи адвокатуры, какъ сословія. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что среди французскихъ адвокатовъ были и существуютъ весьма добродѣтельные люди, имѣются и такіе, которые насквозь пропитаны идеями своихъ теоретиковъ —ригористовъ, но это единицы, это тотъ десятокъ праведниковъ, который могъ-бы предотвратить даже содомо-гоморрскую катастрофу. Мы увѣрены, что такіе почтенные дѣятели имѣются и въ Англіи, и, можетъ быть, еще болѣе у насъ.

Въ своей статьѣ о французской адвокатурѣ **) г. Арсеньевъ дѣлаетъ краткую характеристику такихъ знаменитостей, каковы Шэ-д'Эстъ-Анжъ, Жюль Фавръ, Лашо. Изъ этой статьи мы узнаемъ между прочимъ, что лесть передъ судьями, злоупотребленіе патетическими выходками или такъ называемыми effets d'audience ***), стремленіе идеализировать собственныхъ кліентовъ и проч.—всѣ эти качества не были чужды

*) *Юрид. Вѣстникъ,* 1878 г. № 9, стр. 200.

**) *Вѣстникъ Европы,* 1886 г., Январь.

***) Mollot относится съ большимъ порицаніемъ къ такимъ ораторскимъ пріемамъ. См. его *Regles de la profession d'avocat.* regl. 21.

и самимъ корифеямъ французской адвокатуры. Читая напр., сборникъ рѣчей Лашо, говоритъ г. Арсеньевъ, начинаешь приходить къ убѣжденію, что лучшихъ людей Франціи надо искать на скамьѣ подсудимыхъ. Таковы выдающіеся представители французской адвокатуры по отзыву самаго г. Арсеньева.

Разсмотримъ теперь самую догму французской школы, по скольку она касается вышеуказанныхъ „вѣчныхъ" вопросовъ адвокатуры. Труды Дюпена, Молло, Дюшена и Пикара *) представляютъ намъ полный курсъ адвокатской этики, обнимающій собою всѣ положенія, въ какихъ только можетъ быть адвокатъ въ отношеніи себя самого, кліентовъ, суда и всего общества. Мнѣнія названныхъ писателей, отличающіяся между собой лишь степенью ригоризма, сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: адвокатъ прежде всего и главнѣе всего долженъ быть безусловно честенъ: онъ принимаетъ защиту только по тѣмъ дѣламъ, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ нравственной чистотѣ требованій кліента. Принявъ дѣло, адвокатъ направляетъ его такъ, чтобы дать торжество справедливости; въ этомъ отношеніи онъ независимъ, онъ не подчиняется указаніямъ кліента, часто предпочитающаго свой личный интересъ праву и справедливости. Адвокатъ всегда долженъ помнить, что онъ является на судѣ слугою правосудія (véritable soldat de la justice), главнымъ и дѣятельнымъ помощникомъ судьи, которому онъ способствуетъ въ выясненіи истины. Если-бы случилось такъ, что представленные противникомъ аргументы или какія либо другія обстоятельства возбудили въ адвокатѣ сомнѣніе въ правотѣ защищаемаго имъ дѣла, онъ обязанъ немедленно отказаться отъ него и заявить о семъ суду. Всѣ эти правила по мнѣнію Дюпена одинаково обязательны для адвоката какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ.

---

*) Dupin-ainé: *Profession d'avocat*. Duchaine et Picard: *Manuel pratique de la profession d'avocat*.

Дюшенъ и Пикаръ дѣлаютъ изъятіе для уголовныхъ дѣлъ, но объ этомъ мы еще будемъ говорить особо. Наконецъ, адвокатъ долженъ быть безкорыстенъ *), любить свою профессію и сознавать ея высокое значеніе; все это вмѣстѣ взятое должно развивать въ адвокатѣ чувство профессіональнаго достоинства.

Мы не будемъ распространяться о всѣхъ прелестяхъ этого идеальнаго воззрѣнія на существо и задачи адвокатуры; объ этомъ и безъ насъ наговорено слишкомъ много. Полезнѣе, думается намъ, отмѣтить тѣ стороны его, которыя представляются болѣе слабыми или неразработанными въ теоріи высоко-нравственныхъ юристовъ.

Во первыхъ, не совсѣмъ понятно, почему требованіе особой честности пріурочивается исключительно къ адвокатской профессіи?—быть честнымъ есть долгъ каждаго гражданина, это повинность общечеловѣческая, а не специфически-адвокатская. Если-же признать, что честность допускаетъ степени сравненія, то почему превосходную степень ея не отнести къ судьѣ, педагогу, публицисту, безчестность которыхъ неизмѣримо опаснѣе для общества, чѣмъ безчестность какого нибудь адвоката? наконецъ,—къ чему фарисейство?—развѣ не знаемъ мы многихъ первокласныхъ адвокатовъ, нравственность которыхъ была далека не безупречна?—повторяемъ, что мы отнюдь не отрицаемъ общегражданскаго долга адвоката—быть честнымъ, мы недоумѣваемъ только, почему нравственные грѣхи будутъ простительнѣе въ воспитателѣ или судьѣ?

*) О безкорыстіи Дюпена свидѣльствуетъ съ одной стороны—состояніе, которое онъ послѣ себя оставилъ (болѣе 5 милл. франковъ), и съ другой—пѣсенка, которая въ его время была въ большомъ ходу въ кварталѣ école de droit и которая сопровождалась такимъ припѣвомъ:

Chez notre avocat eloquent
Liberté, comme écus sonnants,
Tout ça marche, tout ça marche,
Tout ça marche en même temps.

См. *Журналъ Мин-ва Юстиціи*, 1865 г., № 12, ст. *Дюпенъ (старшій)*.

Во вторыхъ,—и это въ отношеніи интересующаго насъ вопроса самое важное,—французская школа не дала намъ никакого критерія, коимъ долженъ руководствоваться адвокатъ при выборѣ дѣлъ. Если намъ говорятъ: принимайте на себя только дѣла правыя, руководствуйтесь принципами справедливости,—это не значитъ еще дать въ руки такой компасъ, который неуклонно повелъ-бы адвоката по бурному житейскому морю въ строго-опредѣленномъ направленіи. Нравственность, справедливость, честность—всѣ эти прекрасныя вещи слишковъ субъективны, что-бы служить безошибочнымъ критеріемъ въ вопросѣ о выборѣ дѣлъ. Что нравственно по сю сторону Пиринеевъ, то безнравственно по ту, сказалъ еще Паскаль *).

---

*) Послѣднюю фразу привели мы, между прочимъ, и въ нашей замѣткѣ, посвященной памяти Лохвицкаго. Это обстоятельство дало поводъ къ слѣдующей курьезной выходкѣ г. Джаншіева: „г. Невядомскій *тоже* дѣлаетъ экскурсію въ область философіи,“—замѣчаетъ онъ. Теперь, когда у насъ выше промелькнула фраза о содомо-гоморрской катастрофѣ, г. Джаншіевъ непремѣнно скажетъ, что мы дѣлаемъ экскурсію въ область богословія. Но всего лучше здѣсь это—„тоже“! Неужели-же г. Джаншіевъ думаетъ, что область философіи доступна только ему одному? положимъ, онъ на слѣдующей-же страницѣ блистательно доказалъ свои познанія въ этой области, сваливъ Гегеля съ Прудономъ въ одну кучу метафизиковъ, но все-жъ это какъ будто-бы черезъ чуръ. . . Курьезъ этимъ не ограничивается: г. Джаншіевъ упрекаетъ насъ въ томъ, что мы невѣрно привели цитату (?), и затѣмъ чрезъ нѣсколько строкъ приводитъ слѣдующій діалогъ изъ Паскаля, стоящій, какъ онъ самъ говоритъ, рядомъ съ фразою о Пиринеяхъ:

„Какое вы имѣете право убивать?—спрашиваютъ убійцу.— Да вы развѣ не по ту сторону воды живете? . . . другъ мой, если-бы вы жили по сю сторону, то поступокъ мой былъ-бы несправедливъ и я былъ-бы убійцею, но такъ какъ вы живете по ту сторону, то я бравый молодецъ и поступаю справедливо“.

Позвольте теперь спросить, въ чемъ невѣрность нашей передачи мысли Паскаля? не ясна-ли фельетонная замашка хоть какъ-нибудь ущипнуть противника,—или, бытъ можетъ, г. Джаншіевъ хотѣлъ поддержать свою репутацію знатока философіи: „и мы, дескать, Паскаля читали“?

IV.

Обращаясь къ теоріи французской школы и зная практикуемый нѣкоторыми особый способъ толкованія человѣческой рѣчи, при которомъ синее оказывается краснымъ, мы, избѣгая положенія жертвы такого нравственнаго дальтонизма, считаемъ нужнымъ категорически заявить о полномъ уваженіи своемъ къ ученію французскихъ моралистовъ. Первый упрекъ, сдѣланный нами этому ученію, имѣетъ характеръ скорѣе логическаго корректива и отнюдь не равнозначущъ отрицанію честнаго служенія адвокатуры; не за „землянику въ январскомъ обѣдѣ“ считаемъ мы адвокатскую честь, а за необходимую во всякое время года соль, если ужъ говорить, примѣняясь къ понятіямъ кухмистера. Второй упрекъ, какъ мы уже сказали, имѣетъ болѣе значенія, такъ какъ самый кардинальный вопросъ адвокатской этики остается въ своемъ качествѣ *вѣчнаго*.

Авторъ этюда по адвокатской этикѣ, повидимому, и не подозрѣваетъ всей важности этого вопроса; всякое стремленіе къ тому, чтобы розыскать правильный критерій, который яркимъ свѣточемъ озарялъ-бы истинный путь адвоката, — чтобы затѣмъ научно, философски обосновать этотъ критерій,— все это представляется г. Джаншіеву излишнимъ: „къ чему все это, говоритъ онъ: и что общаго между точками зрѣнія спекулятивнаго мышленія и скромными вопросами судебной практики?“ — „и зачѣмъ тутъ абсолюты?“ — И зачѣмъ намъ географія!—добавимъ мы.

Вслѣдъ за этимъ г. Джаншіевъ договаривается до такого положенія: „пусть справедливость и нравственность иная по сю, иная по ту стороны Пиринеевъ, но вѣдь самъ адвокатъ живетъ или тамъ, или здѣсь, и пусть слѣдуетъ тому понятію справедливости, которое господствуетъ въ той мѣстности, гдѣ самъ онъ живетъ“ (стр. 30). Отвѣтимъ примѣромъ. Извѣстно, что масульманскій востокъ весьма склоненъ къ тѣмъ дѣяніямъ, о коихъ живописуетъ намъ ст. 995 Улож. о нак.:

дѣянія эти не только не оскорбляютъ тамъ нравственнаго чувства человѣка, но считаются вполнѣ естественными, едва-ли не такими даже, что ими заниматься будутъ въ самомъ раю *). У насъ на Кавказѣ среди обитающихъ тамъ восточныхъ людей указанныя дѣянія составляютъ явленіе заурядное. Представимъ-же себѣ адвоката, живущаго въ такой мѣстности Кавказа; по теоріи г. Джаншіева онъ долженъ слѣдовать тѣмъ понятіямъ о нравственности, какія господствуютъ въ обитаемой имъ странѣ, и по сему долженъ быть также индифферентенъ и къ тѣмъ дѣяніямъ, о коихъ мы сейчасъ говорили.

Вотъ до какихъ геркулесовыхъ столбовъ можно дойти въ послѣдовательномъ развитіи теоріи госпожи Простаковой. Отрицаніе искомаго критерія, отрицаніе даже всякихъ попытокъ къ утвержденію его, говоря a priori, должно внушить читателю мысль о томъ, какъ-же туманны и неопредѣленны должны быть воззрѣнія объявившагося у насъ этика на самый предметъ этики. Справедливость такого апріорнаго вывода вполнѣ подтверждается и a posteriori. На стр. 22 своего этюда г. Джаншіевъ провозглашаетъ: „нравственность одна; правда все та-же, говоритъ поэтъ“ (безъ поэтовъ онъ, очевидно, аргументировать не можетъ). На слѣдующей-же страницѣ авторъ толкуетъ о необходимости различать профессіональную мораль отъ частной, и приводитъ убѣдительные примѣры этого различія. Такъ, врачъ, въ силу своей профессіональной морали, обязывается къ большему человѣколюбію, чѣмъ простой гражданинъ; капитанъ корабля во время крушенія не долженъ руководиться общимъ правиломъ: sauve qui peut, и можетъ покинуть судно лишь послѣднимъ. И

*) Въ Коранѣ (сура LVI, 12—35). такъ описывается райское блаженство правовѣрныхъ: „будутъ они отдыхать на сѣдалищахъ, украшенныхъ золотомъ и каменьями, раскинувшись въ нихъ другъ противъ друга; вокругъ ихъ закружатся мальчики, вѣчно юные, съ бокалами и чашами, наполненными прозрачнымъ напиткомъ, отъ котораго они не почувствуютъ ни головной боли, ни опьяненія“...

такъ, слѣдовательно, существуютъ два различныя воззрѣнія на нравственность: одно, такъ сказать, поэтическое, допускающее лишь одну нравственность, цѣлостную, недробимую,—и другое, по которому всякой профессіи соотвѣтствуетъ своя особая мораль. Оба эти воззрѣнія, какъ видно, прямо противуположны другъ другу. Какого-же воззрѣнія придерживается г. Джаншіевъ?—оказывается, что обоихъ вмѣстѣ! Этого мало. На стр. 27 авторъ говоритъ, что „если идетъ рѣчь объ обыкновенной практической морали и этическихъ идеалахъ, то въ пониманіи ея, если не считать оттѣнковъ, сходятся всѣ порядочные люди всѣхъ временъ, начиная отъ Эпиктета и Марка Аврелія и до нашихъ дней". Эта тирада ясно показываетъ, что авторъ слѣдуетъ ошибочному ученію Бокля о томъ, что прогрессируетъ въ человѣкѣ лишь интеллектуальный элементъ, а нравственный остается неподвижнымъ; какой-же тутъ прогрессъ въ самомъ дѣлѣ, если наши этическіе идеалы остались такими-же, какими были они во времена Эпиктета и Марка Аврелія? — Таковое воззрѣніе автора однако не мѣшаетъ ему на послѣдней страницѣ своего этюда высказывать надежду на нравственный прогрессъ нашей адвокатуры и указывать даже надлежащіе пути для онаго.

Резюмируя, такимъ образомъ, все ученіе г. Джаншіева о нравственности, мы приходимъ къ слѣдующимъ четыремъ основнымъ его положеніямъ: 1) нравственность можетъ быть только одна; 2) нравственностей можетъ быть столько, сколько профессій; 3) нравственность неподвижна, и 4) нравственность можетъ прогрессировать ad infinitum. Эти четыре положенія, какъ четыре столба, должны поддерживать стройное зданіе возводимой авторомъ новой этики...

V.

Въ брошюрѣ своей г. Джаншіевъ ставитъ такой вопросъ: „подлежитъ-ли адвокатъ за веденіе *завѣдомо* неправаго дѣла (гражданскаго), за отстаиванье *завѣдомо* несправедливыхъ

требованій, за стараніе укрѣпить за довѣрителемъ имущественныя права, пріобрѣтенныя имъ завѣдомо-безчестнымъ, безнравственнымъ путемъ, путемъ обмана, доказаннаго на судѣ,—какой-либо отвѣтственности?"—„Мы не даромъ такъ сильно настаиваемъ на элементѣ *завѣдомости*", — прибавляетъ онъ, и затѣмъ цитируетъ нашу статью, выводомъ изъ которой оказывается, будто на поставленный имъ вопросъ мы отвѣчаемъ отрицательно.

Изъ чего, допросимъ мы теперь г. Джаншіева, сдѣлалъ онъ свой выводъ? изъ выраженнаго нами сочувствія полному оправданію Лохвицкаго по извѣстному дисциплинарному о немъ дѣлу?—ну, а если мы смотримъ на это дѣло совсѣмъ не такъ, какъ смотритъ на него г. Джаншіевъ, если мы убѣждены, что и совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ, и судебною палатою Лохвицкому совершенно неправильно была приписана эта „завѣдомость", то какъ назвать выводъ г. Джаншіева?

О дѣлѣ Лохвицкаго и о нашемъ взглядѣ на него рѣчь будетъ дальше, а теперь продолжимъ свой допросъ. Такъ какъ во всей нашей замѣткѣ не было ни одного прямого указанія на то, чтобы мы объявляли полную независимость адвокатуры отъ всякихъ нравственныхъ началъ, то не было-ли въ ней косвенныхъ указаній на это, — другими словами: не имѣлъ-ли г. Джаншіевъ права сдѣлать свой выводъ изъ общаго смысла выраженій, содержащихся въ составленномъ нами некрологѣ?

Допустимъ на минуту, что г. Джаншіевъ правъ, что мы открыто проповѣдуемъ ультра — бентамовскіе принципы, что мы не стѣсняясь требуемъ для адвоката свободы даже „для отстаиванья плодовъ недодѣланныхъ мошенничествъ",—чтобы значило тогда слѣдующее наше замѣчаніе:

„Нельзя требовать отъ адвоката, чтобы каждый разъ обсуждалъ онъ внутренніе мотивы, порождающіе и двигающіе процессъ, чтобы, такъ сказать проникалъ онъ въ душу своего кліента и только произведя въ ней тщательный розыскъ и убѣдясь *въ полномъ соотвѣтствіи ея* съ свои-

ми субъективными воззрѣніями, принималъ на себя веденіе дѣла" *).

Далѣе мы говорили: „положеніе адвоката, отвѣтственнаго за внутреннюю подкладку принятаго имъ дѣла, при отсутствіи объективнаго масштаба для опредѣленія нравственнаго, было-бы по истинѣ невыносимо". За симъ слѣдуютъ замѣчанія объ условности нравственнаго и извѣстная фраза Паскаля.

Позволимъ себѣ спросить, кто, кромѣ г. Джаншіева, сдѣлаетъ изъ приведенныхъ мѣстъ такое заключеніе, будто здѣсь провозглашается антисоціальное ученіе о правѣ адвокатовъ вести завѣдомо-безнравственныя, мошенническія дѣла?—вѣдь если бы намъ казалось безразличнымъ нравственное свойство дѣла, зачѣмъ стали-бы мы разсуждать объ условномъ характерѣ нравственнаго, о невозможности проникать въ душу кліента, производить въ ней розыскъ и проч.? вѣдь если исповѣдывать бентамовское ученіе, то не все-ли равно условно или безусловно нравственно предлагаемое адвокату дѣло?—бери всякое. — Въ концѣ некролога мы упомянули о томъ, сколько невыразимыхъ страданій переживалъ покойный Лохвицкій „когда надъ головой его висѣлъ мечъ тяжкаго обвиненія". Мы разумѣли здѣсь именно то обвиненіе въ „завѣдомости", которое было предметомъ дисциплинарнаго производства. Какъ могли мы назвать такое обвиненіе „тяж-

---

*) См. нашу ст. въ *Журналѣ Гражд. и Угол. права*, 1884 г. № 6, стр. 51.—Вся эта цитата выписана и г. Джаншіевымъ, при чемъ послѣ отмѣченныхъ курсивомъ словъ: „въ полномъ соотвѣтствіи ея" онъ въ скобкахъ поставилъ: „чего?"—Что это: опять-ли фельетонный щипокъ, или дѣйствительная неспособность понимать русскую рѣчь?—Слова наши г. Джаншіевъ заключилъ такой фразой: „къ чему эти чудовищныя *родомонтады?*" Малоупотребительное въ русскомъ языкѣ слово „родомонтада" означаетъ хвастовство, бахвальство. Ясно, что въ данномъ случаѣ слово это явилось совершенно не къ мѣсту, а такъ, ради звука („ррродомонтада!"), и можетъ быть объяснено лишь въ смыслѣ „жупела", приводившаго въ невольный трепетъ извѣстную купчиху Островскаго. Не думаемъ, впрочемъ, чтобы „молодые абитуріенты" затрепетали...

кимъ", если наше мнѣніе таково, что адвокатъ *имѣетъ право* вести всякое завѣдомо-мошенническое дѣло?

Считаемъ нужнымъ замѣтить здѣсь, что высказывая въ своей статьѣ нѣкоторыя мысли объ отвѣтственности адвоката по поводу принятія имъ дѣлъ, мы писали не трактатъ, ни даже этюдъ, а обыкновенный некрологъ, въ которомъ г. Джаншіевъ только находитъ умѣстными подробныя разсужденія по поднятому теперь вопросу. Мы коснулись этого вопроса лишь вскользъ, по скольку это нужно было ради снятія съ памяти только что усопшаго тогда хотя части тѣхъ мрачныхъ красокъ, которыя густымъ слоемъ, намѣренно или ненамѣренно, накладывались на его имя при жизни... Думая такъ, мы лишь посильно исполнили свой нравственный долгъ предъ умершимъ. Такимъ образомъ, ни размѣры нашей статьи, ни характеръ ея не давали намъ возможности разсмотрѣть затронутый вопросъ въ подобающей полнотѣ.

VI.

Установить правильный взглядъ на обязанности адвоката вообще и относительно выбора дѣлъ въ особенности, является существенно необходимымъ не въ одномъ только теоретическомъ интересѣ. Всякій присяжный повѣренный, не по имени только, а дѣйствительно практикующій, знаетъ по собственному опыту, что почти нѣтъ такого процесса, за который кто-нибудь такъ или иначе не упрекнулъ-бы адвоката. Выигралъ онъ дѣло — его бранитъ противная сторона, недовольная исходомъ процесса, всегда склонная, по слабости человѣческой природы, видѣть причину неудачи не въ себѣ самой, не въ собственныхъ дѣйствіяхъ, а въ дѣйствіяхъ *противной* для нея стороны; чувство непріязни къ торжествующему врагу весьма часто переносится на представителя его, вся желчь изливается на него. Проигралъ адвокатъ дѣло — положеніе его становится еще горше: неудовольствіе идетъ

уже съ обѣихъ сторонъ; собственный кліентъ дѣлается часто еще яростнѣе въ своихъ нападкахъ, а противная сторона уже прямо заявляетъ о недобросовѣстныхъ посягательствахъ на ея освященныя судебнымъ рѣшеніемъ права. И во-очію наблюдается здѣсь вѣчное сказаніе о куликѣ, попавшемъ на болото: вытащитъ хвостъ — увязнетъ носъ, носъ вытащитъ — хвостъ увязнетъ! Раздаются иногда и такіе голоса, что за всякій проигранный процессъ адвоката слѣдовало-бы предавать даже уголовному суду. „Строгая послѣдовательность,— писалъ нѣкто г. Семеновъ: требовала-бы преданія уголовному суду адвоката неправой стороны въ случаѣ потери ею тяжбы за безнравственное и умышленное покушеніе нарушить право, принадлежащее справедливой сторонѣ“ *).

Въ такомъ по истинѣ тяжеломъ положеніи не можетъ находиться представитель какой-либо иной профессіи, кромѣ адвокатуры. Единственнымъ утѣшеніемъ для адвоката здѣсь можетъ быть только собственное сознаніе его о томъ, что имъ честно и добросовѣстно исполненъ его профессіональный долгъ,— если конечно онъ сдѣлалъ для сего все отъ него зависящее, — и что затѣмъ всякое осужденіе его — это судъ толпы, хотя-бы мѣстомъ для такого суда служили страницы иного журнала или листка.

Совсѣмъ иное положеніе, когда осужденіе идетъ не изъ фельетоннаго болота, а изъ среды повидимому компетентной, да идетъ-то оно не съ одними сентенціями, подчасъ сомнительнаго достоинства, а „во всеоружіи всякихъ репрессалій“, да еще когда касается-то оно самаго щекотливаго, принципіальнаго вопроса — вопроса о правотѣ или неправотѣ извѣстнаго дѣла. И теорія, и практика показываютъ намъ, что здѣсь возможны конфликты самаго прискорбнаго свойства... Неговоря уже о томъ, что адвокатъ можетъ наидобросовѣстнѣйшимъ образомъ и принципіально расходиться со своими

---

*) *Русскій Вѣстникъ*, 1884 гооа, Январь. Ст. г. Семенова: *Наши реформы.*

судьями въ самыхъ взглядахъ на свою профессіональную роль,— примѣръ такого разномыслія будетъ приведенъ ниже, — въ каждомъ почти гражданскомъ процессѣ мы встрѣчаемся съ извѣстной противуположностью нравственныхъ представленій о томъ или другомъ предметѣ; всегда, стало быть, можетъ открыться широкое поле для болѣе или менѣе строгихъ осужденій.

Вотъ почему, думается намъ, вопросъ о выборѣ дѣлъ имѣетъ громадное практическое значеніе и непосредственный жизненный интересъ для адвокатуры. Мы видѣли уже, что теорія, даже строгая теорія французской школы, не дала намъ никакого объективнаго масштаба, который могъ-бы регулировать дѣятельность адвоката въ этомъ отношеніи. Если во Франціи или другой странѣ съ „образцовою адвокатурою" недостатокъ этотъ могъ-бы до извѣстной степени восполняться традиціями и твердо-сознанными профессіональными идеалами, то мы не имѣемъ и этого утѣшенія, ибо наша адвокатура, по младости лѣтъ, никакихъ традицій выработать еще не успѣла, а по части идеаловъ, что наглядно подтверждаетъ самъ г. Джаншіевъ, сознаніе адвоката — это tabura rasa...

Какой-же выходъ, однако, возможенъ здѣсь при такомъ положеніи разсматриваемаго вопроса? — по нашему мнѣнію, выходъ можетъ быть только одинъ: предоставить адвокату полную, ни отъ кого независимую свободу въ опредѣленіи того, право или неправо данное дѣло, возможно-ли оно для принятія или нѣтъ. Никакого контроля со стороны совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, какъ учрежденія съ извѣстной карательной властью, здѣсь допущено быть не можетъ; адвокатъ руководствуется здѣсь исключительно своими субъективными воззрѣніями и на правовой, и на этическій элементы даннаго дѣла, и разъ у него составилось убѣжденіе, что дѣло это можетъ быть принято имъ, никто не долженъ входить въ провѣрку этого убѣжденія. Да не подумаютъ, что мы первые высказываемъ эти мысли. Въ книгѣ, получившей

значеніе катехизиса русскаго адвоката, содержится между прочимъ слѣдующее:

„Выборъ присяжными повѣренными гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ не долженъ быть стѣсненъ никакими внѣшними ограниченіями, не долженъ быть подчиненъ контролю совѣта. Составить себѣ понятіе о нравственной сторонѣ дѣла, о причинахъ, побудившихъ присяжнаго повѣреннаго взяться за его веденіе, для совѣта конечно легче чѣмъ для постороннихъ лицъ, такъ какъ онъ можетъ разспросить присяжнаго повѣреннаго, разсмотрѣть и обсудить самое дѣло, но все таки изъ числа данныхъ, руководившихъ присяжнымъ повѣреннымъ при принятіи защиты, многія недоступны и для совѣта“ *).

Въ соотвѣтствіе съ этимъ взглядомъ и практика всѣхъ трехъ существующихъ у насъ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, за весьма рѣдкими печальными исключеніями, всегда держалась принципа невмѣшательства въ дѣло образованія внутренняго убѣжденія адвоката. Московскій совѣтъ въ одномъ изъ своихъ рѣшеній, **) категорически заявилъ, что „совѣтъ вообще не можетъ провѣрять убѣжденіе, сложившееся у адвоката по извѣстному дѣлу; оно складывается изъ массы невѣсомыхъ и неуловимыхъ данныхъ,“—и совершенно справедливо.

Противъ такого рѣшенія вопроса люди, непонимающіе самой сущности его, обыкновенно выдвигаютъ цѣлую батарею громкихъ фразъ на тему о возможныхъ злоупотребленіяхъ адвокатовъ, о безшабашной разнузданности, какая будто-бы водворится въ нравахъ адвокатскаго сословія, если выборъ дѣлъ будетъ предоставленъ въ полную волю адвоката,—о томъ, что присяжные повѣренные будутъ браться за завѣдомо-мошенническія дѣла, оправдываясь тѣмъ, что по убѣжденію ихъ дѣла эти правыя, и проч и проч. Закидывая

*) Арсеньевъ: *Замѣтки о русской адвокатурѣ*, ч. 1, стр. 173.

**) *Отчетъ совѣта прис. повѣр. округа моск. суд. палаты* за 1880—1881 г., стр. 115.

васъ цѣлымъ градомъ трескучихъ фразъ и благонамѣренныхъ сентенцій, люди эти однимъ ударомъ разсчитываютъ достичь трехъ вожделѣнныхъ цѣлей: во 1-хъ, всѣми этими фразами весьма удобно драпируется полное невѣжество ихъ въ отношеніи предмета, о которомъ часто докторальнымъ тономъ берутся они разсуждать; во 2-хъ этимъ путемъ весьма легко созидается пьедесталъ для собственной персоны разныхъ глашатаевъ этическихъ идеаловъ, и въ 3-хъ, благодаря этому-же способу и противникъ ставится въ весьма щекотливое положеніе: какъ возражать такому глашатаю, когда уста его вѣщаютъ такую высокую мораль?

На одной изъ послѣднихъ картинъ знаменитаго Верещагина изображается, какимъ способомъ сыны Альбіона усмиряютъ взбунтовавшихся индійцевъ: зритель видитъ цѣлую батарею, выставленную англичанами противъ туземцевъ, причемъ къ каждому пушечному жерлу привязано по одному изъ захваченныхъ бунтарей: какъ будутъ нападать несчастные индійцы, когда первые-же выстрѣлы ихъ угодятъ въ собственныхъ, можетъ быть, излюбленныхъ вожаковъ? какой цѣной купятъ они побѣду, когда каждое жерло непріятельскаго орудія разверзаясь понесетъ вмѣстѣ съ ядромъ прахъ дорогаго для нихъ собрата?

Въ такое-же положеніе думаютъ поставить своихъ противниковъ и нѣкоторые радѣтели адвокатскаго цѣломудрія; попробуйте-ка напасть на нихъ: направите вы ударъ въ одну сторону – сейчасъ вамъ какой-нибудь принципъ подставятъ, въ другую—другой принципъ появляется, нужды нѣтъ, если и противуположный, въ третью—а тамъ ужъ за израсходованіемъ принциповъ какой-нибудь поэтъ пріютился, — вѣдь не вандалы-же вы, чтобъ и поэтовъ не пощадили!... Не нужно, однако, особаго мужества, чтобы безъ страха встрѣтить такого „хитраго“ противника: пушка выдвинута деревянная и не смертоносныя ядра и гранаты изрыгаетъ жерло ея, а развѣ самыя забавныя... родомонтады!

Еще г. Арсеньевъ предвидѣлъ возможность подобныхъ

опасеній съ указанной выше стороны. „Не слѣдуетъ-ли опасаться,—писалъ онъ въ своихъ *Замѣткахъ* (ч. 1, стр. 174): что адвокаты, предоставленные самимъ себѣ, станутъ руководствоваться при выборѣ дѣлъ не свойствомъ и характеромъ ихъ, а совершенно посторонними соображеніями, что исполнятся, такимъ образомъ, *самыя мрачныя предсказанія противниковъ адвокатуры?* Если внутреннее убѣжденіе адвоката въ правотѣ защищаемаго имъ дѣла—единственный критеріумъ, для него обязательный, если онъ никому и никогда не долженъ давать отчета въ тѣхъ мотивахъ, на которыхъ основано это убѣжденіе, то что-же помѣшаетъ адвокату браться за всякое дѣло, прикрываясь одной бездоказательной, не подлежащей дальнѣйшей повѣркѣ фразой: я защищаю по убѣжденію?"

Высказывая эти мрачныя опасенія, г. Арсеньевъ—увы!—и не подозрѣвалъ, что они могутъ идти отъ кого-нибудь другаго, кромѣ противниковъ адвокатуры; почтенному предсѣдателю совѣта тогда и въ голову не приходила мысль, что найдутся у насъ такіе не въ мѣру заботливые друзья института, которые, исходя изъ того положенія, что „кто нынче не бранитъ адвокатуру? развѣ только лѣнивый" *), изъ всѣхъ силъ бьются доказать здѣсь свое прилежаніе, наивно играя въ руку гг. Евг. Маркову, Семенову и К°. Мы уже привыкли слышать такія фразы: „адвокатура—это школа софизма и деморализаціи; энергія ея дѣйствій возбуждается непосредственно количествомъ рублей; она бросается на зовъ силы, на звонъ рубля; только милліоннымъ дѣламъ какихъ-нибудь Плотицыныхъ и Мясниковыхъ мы обязаны гордостью и удовольствіемъ видѣть въ своемъ отечествѣ Цицероновъ; адвокатура даетъ собою примѣръ циническаго прелюбодѣянія мысли" и проч. **), или: „адвокатура вноситъ въ храмъ

---

*) Съ этого, Господа благословя, начинаетъ г. Джаншіевъ свой этюдъ. См. стр. 1 предисловія.

**) *Голосъ,* 1875 г. №№ 136 и 137. Статьи Евг. Маркова.

правосудія торгъ совѣстью и тайный безнаказанный подкупъ суда" *) и т. д. Мы знаемъ, изъ какого лагеря идутъ всѣ эти огненныя рѣчи, знаемъ ихъ надлежащую цѣну. Иное дѣло, когда подобную проповѣдь начинаетъ „другъ адвокатуры", да при томъ еще повидимому компетентный, когда онъ увѣряетъ публику въ существованіи „такого направленія, имѣющаго адептовъ и въ судѣ, и въ адвокатурѣ", которое будто-бы возстаетъ противъ обязательности для адвоката слѣдовать правиламъ честности. Положимъ, что изъ содержанія брошюры г. Джаншіева публика пожалуй и не усмотритъ его компетентности, но вѣдь тутъ можетъ намекнуть на нее самая обертка: на задней сторонѣ ея, гдѣ объявляется *о продажѣ распроданныхъ* (?) изданій того-же автора, публика усмотритъ, что имъ написано еще пять брошюръ и все юридическаго содержанія: непремѣнно юристъ долженъ быть этотъ г. Джаншіевъ, — подумаетъ публика: ему значитъ и книги въ руки, — и выходитъ, что нашъ другъ опаснѣе врага! Плохую услугу оказываютъ такіе друзья своей корпораціи, въ особенности, когда надъ ней и безъ того собираются тучи...

И такъ, мы знаемъ, что еще г. Арсеньевъ предвидѣлъ всѣ мрачныя опасенія на счетъ злоупотребленія присяжными повѣренными свободою въ выборѣ дѣлъ. Въ противовѣсъ этимъ опасеніямъ онъ выставлялъ полную *нравственную* отвѣтственность адвоката предъ общественнымъ мнѣніемъ и въ особенности предъ мнѣніемъ адвокатской-же корпораціи и всего судебнаго міра.

Здѣсь у мѣста будетъ припомнить, что законъ предоставляетъ совѣтамъ присяжныхъ повѣренныхъ самое широкое, безконтрольное право принимать или не принимать въ корпорацію новаго члена, по обсужденіи и оцѣнкѣ его нравственныхъ качествъ. Одно уже это право, при ревнивомъ охраненіи его совѣтами, въ достаточной мѣрѣ гарантируетъ корпорацію отъ вторженія въ нее такихъ элементовъ, коими

---

*) *Русскій Вѣстникъ*, 1884 г., № 1, ст. г. Семенова.

оправдывались-бы эти мрачныя опасенія. Мы готовы согласиться, что и при всемъ этомъ можетъ явиться такой нежелательный элементъ въ лицѣ какого-нибудь присяжнаго повѣреннаго, тѣмъ болѣе, что по словамъ г. Арсеньева, „принять дѣло, за которое лучше было-бы не браться, можетъ и самый разборчивый адвокатъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не всегда поддающимся точному опредѣленію“ *). Если-бы, такимъ образомъ, и случилось такъ, что по мнѣнію совѣта, присяжный повѣренный слишкомъ далеко зашелъ въ пользованіи своимъ правомъ выбора дѣлъ, совѣтъ всегда имѣетъ возможность предостеречь такого, но не въ качествѣ дисциплинарнаго суда, а въ качествѣ товарищескаго кружка, для котораго слишкомъ дороги достоинство и репутація каждаго члена корпораціи. Здѣсь могло-бы имѣть мѣсто нѣчто вродѣ того, что во французской адвокатской дисциплинѣ носитъ названіе avertissiment confraternel. Такое *братское предостереженіе*, выраженное болѣе авторитетными членами сословія, несомнѣнно имѣло-бы нравственное вліяніе на уклонившагося отъ должнаго пути адвоката. Наконецъ въ болѣе важныхъ случаяхъ, въ особенности затрогивающихъ принципіальные вопросы, товарищескій кружокъ членовъ совѣта могъ-бы воспринять въ себя всѣхъ желающихъ членовъ корпораціи и уже въ качествѣ общаго собранія обсудить данный вопросъ; послѣ спокойнаго, свободнаго и непринужденнаго диспута, въ концѣ котораго никто не ожидалъ-бы для себя никакой кары, вся корпорація могла-бы придти къ извѣстному выводу, нравственный авторитетъ коего имѣлъ-бы еще болѣе значенія для каждаго отдѣльнаго члена.

Нѣтъ надобности прибавлять, что дѣйствуя въ указанномъ направленіи, совѣтъ долженъ обладать чувствомъ мѣры въ самой высокой его степени; никакія залезанія въ душу, никакіе обыски въ ней немыслимы, ибо они одинаково въ данномъ случаѣ оскорбительны какъ для обыскиваемыхъ,

---

*) *Замѣтки*, ч. 1, стр. 175.

такъ и для обыскивающихъ, и кромѣ того безцѣльны, такъ какъ проникнуть въ сокровенные тайники человѣческой души не дано даже мудрецамъ; презумція, что товарищъ говоритъ правду, вообще довольно охотно допускаемая совѣтами въ другихъ случаяхъ, здѣсь должна имѣть свое полное примѣненіе.

Вотъ единственно-возможное пока рѣшеніе самого главнаго вопроса адвокатской этики. Само собою разумѣется, что ставя личное убѣжденіе адвоката исключительнымъ критеріемъ, коимъ онъ, такъ сказать, долженъ самоопредѣляться, мы вовсе не думаемъ придавать такому критерію характеръ непогрѣшимости. Errare humanum est, а слѣдственно и адвокатъ, какъ человѣкъ, можетъ ошибаться. Вполнѣ достаточный ремедіумъ противъ такихъ ошибокъ нами указанъ, но никто не укажетъ его при обратномъ рѣшеніи вопроса.

Выше было уже сказано, какое широкое поле для всякихъ осужденій можетъ представить почти каждый процессъ. Право совѣта присяжныхъ повѣренныхъ или суда входить въ провѣрку личнаго убѣжденія адвоката подорветъ въ самомъ корнѣ такія драгоцѣнныя начала института, каковы его независимость и свобода. Терроризируя адвоката, оно заставитъ его каждую минуту опасаться возможности быть привлеченнымъ къ отвѣту по тому или другому поводу, по капризу отдѣльнаго лица, оно лишитъ его необходимой самоувѣренности и стойкости въ преслѣдованіи извѣстныхъ цѣлей, вполнѣ одобряемыхъ его совѣстью, оно заставитъ его вывѣдывать мнѣнія будущихъ судей, поддѣлываться къ нимъ, поступаясь и своими убѣжденіями, и интересами кліентовъ, въ угоду власть имущимъ. Въ особенности жалко будетъ положеніе адвоката, когда къ защитѣ его прибѣгнутъ лица, такъ или иначе возбудившія противъ себя общественное негодованіе. Слова г. Арсеньева, что адвокатъ, убѣжденный въ правотѣ защищаемаго дѣла, никогда не долженъ проявлять малодушную боязнь предъ общественнымъ мнѣніемъ, которое часто бываетъ ошибочнымъ, что онъ долженъ идти

на перекоръ ему, не останавливаясь ни предъ какими посторонними соображеніями *),—эти прекрасныя слова сдѣлаются фразой, лишенной всякого содержанія. Нельзя ожидать будетъ такого гражданскаго мужества отъ адвоката, если по первому требованію онъ обязанъ будетъ выворачивать свою душу со всѣми ея мельчайшими изгибами, со всѣми „невѣсомыми и неуловимыми данными", и представлять ее на ревизію посторонняго взора. Не трудно предвидѣть и такой практическій пріемъ, какой привьется въ адвокатурѣ: въ дѣлахъ крупныхъ, болѣе выгодныхъ для адвокатовъ, послѣдніе въ видѣ громоотвода будутъ приглашать яко-бы въ помощь себѣ, разумѣется на счетъ кліентовъ, такихъ товарищей, которые заслуженно или не заслуженно стяжали себѣ репутацію строгихъ моралистовъ. Все это вмѣстѣ взятое неминуемо поведетъ къ тому, что нравственный уровень адвокатуры долженъ будетъ принизиться. Спасительный, по заѣзженному выраженію. г. Джаншіева, страхъ передъ совѣтомъ несомнѣнно внесетъ въ нравы адвокатской корпораціи такія черты, какъ лицемѣріе и фарисейство съ одной стороны, лакейское заискиванье и развѣдыванье — съ другой. Этого-ли желаютъ такъ называемые друзья нашей молодой адвокатуры?

Мы не говоримъ уже о произволѣ, весьма естественномъ при широкомъ правѣ обыска въ душѣ; назовете-ли вы этотъ произволъ „благоразумнымъ усмотрѣніемъ", какъ это дѣлаетъ г. Джаншіевъ (стр. 13), вѣроятно, заимствовавшій такое опредѣленіе изъ какого-нибудь приказа по полиціи, — произволъ останется произволомъ. Мы не хотѣли-бы говорить о разныхъ *постороннихъ* соображеніяхъ, какія могутъ руководить судьей адвоката. Страшной кажется намъ самая мысль, какая приходила покойному Лохвицкому, когда онъ писалъ: „одинъ изъ умнѣйшихъ русскихъ людей XVII вѣка, Котошихинъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о Россіи въ царствованіе

---

*) Ibid, стр. 167.

Алексѣя Михайловича, говоритъ: „искони въ россійской землѣ лукавый дьяволъ всѣялъ плевелы свои, аще человѣкъ хотя мало пріидетъ въ славу, и честь, и въ богатство, возненавидѣти начнутъ“. Печально думать, — горько прибавлялъ Лохвицкій: чтобы такая, хотя и національная черта проявилась въ нѣкоторой степени и надо мною“...

VII.

Извѣстное дисциплинарное дѣло Лохвицкаго представляется полнымъ самаго захватывающаго интереса для публики вообще, а для адвокатовъ въ особенности. Въ свое время много журнальныхъ и газетныхъ страницъ посвящено было разнымъ толкамъ по поводу этого дѣла, но рѣдко приходилось встрѣчать въ нихъ безпристрастное, правдивое слово. Вмѣсто спокойной, серьезной критики возбужденныхъ тѣмъ дѣломъ важныхъ принципіальныхъ вопросовъ, гораздо чаще попадалась на глаза фельетонная трескотня со своими обычными потугами на остроуміе, уснащенная огульной бранью и личными нападками на Лохвицкаго. Не смущаясь тѣмъ, что всѣ подобные толки могли косвенно и невольно повліять на образованіе судейскаго убѣжденія, такъ сказать, предрѣшать неоконченное тогда дѣло, разные фельетонные наѣздники съ опущенными забралами смѣло выступили впередъ, памятуя лишь одно, что каждая лишняя строчка брани это уже и лишній пятакъ. Особенно много потрудился въ этомъ направленіи одинъ изъ таковыхъ наѣздниковъ нѣкто г. Г. Д., печатно уличенный М. П. Соловьевымъ во лжи и извращеніи фактовъ *).

Благодаря такому отношенію къ дѣлу Лохвицкаго извѣстной части нашей „прессы“, у большинства читающей публики, да и въ самомъ адвокатскомъ обществѣ, о дѣлѣ этомъ составилось частію неясное, частію превратное представленіе.

---

*) См. *Московскія Вѣдомости,* 1878 г., № 301.

Въ виду прямаго отношенія этого дѣла къ занимающимъ насъ вопросамъ, мы, близко знакомые съ нимъ по подлинному производству, считаемъ необходимымъ представить здѣсь его краткій, но вполнѣ объективный очеркъ.

Въ уголовномъ судѣ дѣйствительный студентъ Элькинъ обвинялся въ томъ, что во 1-хъ. сблизившись съ богатою старухою П. и прикинувшись ея женихомъ, онъ выманилъ у нея 15,000 руб. подъ особое нотаріальное условіе, обманувъ ее *тѣмъ*, будто деньги нужны ему для внесенія въ залогъ по должности нотаріуса,— и за тѣмъ такимъ-же порядкомъ выманилъ у нея помянутое нотаріальное условіе съ надписью г-жи П. въ полученіи ею платежа,— и въ томъ, во 2-хъ, что пользуясь тѣми-же отношеніями къ П., онъ выманилъ у нея безденежную купчую крѣпость на домъ, обѣщавъ быть только номинальнымъ собственникомъ послѣдняго ради ценза, необходимаго для избранія въ какую-либо общественную должность, и обѣщавъ выдать г-жѣ П. какой-либо обезпечивающій ее документъ, котораго однако не выдалъ, а домомъ воспользовался *). По обоимъ пунктамъ обвиненія присяжными засѣдателями вынесенъ былъ обвинительный вердиктъ (данное ими *снисхожденіе* здѣсь не играетъ роли).

Защитникомъ Элькина выступилъ присяжный повѣренный Лохвицкій, который доказывалъ, что въ дѣяніяхъ обвиняемаго нѣтъ состава преступленія, хотя *нѣкоторыя* изъ нихъ представляются крайне безнравственными. По отношенію къ дому, Лохвицкій, согласно объясненіямъ подсудимаго, утверждалъ, что купчая крѣпость совсѣмъ не выманена, а оплачена Элькинымъ наличными деньгами, въ доказательство чего имъ представлена была *особая росписка г-жи П. въ полученіи ею 15,000 р., за домъ.* Лохвицкій соглашался съ тѣмъ, что благо-

---

*) Въ интересахъ объективности мы рѣшились пожертвовать стилемъ, излагая обвиненіе, предъявленное къ Элькину, по возможности въ тѣхъ же выраженіяхъ, какія употреблены были въ вопросномъ листѣ. Въ послѣдующемъ изложеніи мы также придерживались подлиннаго производства, мѣстами даже цитируя его.

даря особымъ отношенія къ П. покупка дома состоялась за половинную цѣну, вслѣдствіе чего, *по требованію его*, Элькинъ заявилъ на судѣ, что онъ считаетъ себя нравственно-обязаннымъ доплатить П. остальные 15,000 р., за домъ. Это нравственное обязательство Элькина и было занесено въ протоколъ судебнаго засѣданія. Отвергая далѣе всякую возможность такого обмана, при которомъ жертвою является болѣе, чѣмъ 50-ти лѣтняя женщина, слишкомъ вдвое старшая своего обольстителя, Лохвицкій говорилъ присяжнымъ, что все дѣло возникло только изъ за того, что Элькинъ не женился на г-жѣ П.; дай онъ ей свое имя — и никакого разговора о преступленіи или даже безнравственности Элькина, безъ сомнѣнія, не было-бы. Браки, неравные по лѣтамъ брачущихся, конечно, неодобрительны съ точки зрѣнія высокой морали, но съ обыденной, житейской точки зрѣнія подобные браки составляютъ явленіе безразличное и нисколько не мѣшаютъ брачущимся пользоваться иногда и высокимъ положеніемъ, и особымъ почетомъ въ обществѣ. Безнравственно, слѣдовательно, поступалъ Элькинъ не тогда, когда онъ сдѣлался женихомъ г-жи П., а когда онъ грубо, безъ всякихъ объясненій разорвалъ всякія отношенія свои къ невѣстѣ и хотѣлъ было выселить ее изъ того самого дома, который онъ купилъ у нея дешево именно благодаря тѣмъ отношеніямъ. — Вотъ какова была въ существѣ вся защита Лохвицкаго.

Обвинительный приговоръ суда по жалобѣ Лохвицкаго былъ кассированъ сенатомъ, который, оставивъ вердиктъ присяжныхъ, отмѣнилъ лишь самый приговоръ за неправильнымъ примѣненіемъ карательнаго закона. Когда затѣмъ другой составъ суда на основаніи того-же вердикта примѣнилъ къ дѣяніямъ Элькина другія статьи Улож. о нак., сенатъ по жалобѣ того-же Лохвицкаго вторично кассировалъ приговоръ суда, уже категорически выразивъ при этомъ, что Элькинъ признанъ присяжными засѣдателями виновнымъ въ такихъ дѣяніяхъ, какія не составляютъ никакого преступленія или

проступка. На основаніи такого рѣшенія сената третій составъ короннаго суда объявилъ Элькина оправданнымъ.

Послѣ сего повѣренный г-жи П. предъявилъ къ Элькину въ гражданскомъ судѣ послѣдовательно одинъ за другимъ, при небольшихъ промежуткахъ во времени, три иска:

первый—о взысканіи съ Элькина 15,000 р. по нотаріальному условію займа, ибо платежная росписка П. признана присяжными фиктивной;

второй—объ уничтоженіи купчей крѣпости на домъ и о возвращеніи послѣдняго во владѣніе г-жи П., и наконецъ

третій—о взысканіи съ Элькина 15,000 р., согласно занесенному въ протоколъ уголовнаго суда нравственному обязательству отвѣтчика уплатить П. эту сумму по случаю дешевой покупки дома.

По первому иску все участіе Лохвицкаго выразилось въ томъ, что на рѣшеніе окружнаго суда, удовлетворившаго исковыя требованія, онъ принесъ апелляціонную жалобу, въ коей приводилъ слѣдующія два соображенія: а) на основаніи ст. 1547 т. X, ч. 1, каждая сторона можетъ отступаться отъ принадлежащихъ ей правъ,—и г-жа П., отъ нихъ отступилась, ибо „*сенатъ нашелъ*, что изъ отвѣта присяжныхъ засѣдателей можно вывести лишь то заключеніе, что П., выдавши Элькину актъ займа съ платежною надписью безъ всякаго съ его стороны преступнаго дѣйствія, свободно, такъ сказать, подарила это обязательство Элькину“; в) во всякомъ случаѣ искъ является преждевременнымъ, ибо по условію заемъ совершенъ на 5 лѣтъ и до окончанія сего срока остается еще болѣе года.—Палата утвердила рѣшеніе суда.

По второму иску въ обоихъ инстанціяхъ суда Лохвицкій возражалъ такъ: „г-жа П. выдала Элькину не только купчую крѣпость, но сверхъ того росписку въ полученіи отъ него всѣхъ денегъ по купчей (15,000 р.). Росписка эта была представлена суду, но она *не была признана присяжными засѣдателями выданною г-жею П. Элькину посредствомъ обмана или подъ какимъ-нибудь условіемъ;* о ней не было поставлено

вопроса на судѣ уголовномъ, слѣдовательно для суда гражданскаго она сохраняетъ полную силу". П. ни въ какомъ случаѣ не можетъ просить объ уничтоженіи крѣпостнаго акта, а можетъ лишь ходатайствовать о взысканіи убытковъ, если она утверждаетъ, что ничего не получила за домъ или получила не всю слѣдуемую ей сумму. Если присяжные засѣдатели признали, что Элькинъ не выдалъ П. обезпечивающаго ее документа т. е. закладной, то они не установили срока, въ который Элькинъ обязанъ былъ выдать ей этотъ документъ, и сама П. никогда таковаго не требовала и не требуетъ, неправильно домогаясь лишь возвращенія дома, за который получила съ Элькина деньги. Судъ рѣшилъ дѣло въ пользу П., но палата въ искѣ ей отказала *).

По третьему иску Лохвицкій находилъ непонятнымъ, какъ можно въ одно и то же время домогаться и возвращенія дома, и уплаты недоплоченныхъ за этотъ домъ денегъ, Если Элькинъ далъ нравственное обязательство уплатить истицѣ извѣстную сумму, то теперь онъ считаетъ себя свободнымъ отъ этого нравственнаго обязательства во 1-хъ, потому что П. не приняла этого обязательства и продолжала жестокое и несправедливое уголовное преслѣдованіе, и во 2-хъ, потому что П. получила уже право на взысканіе съ него такой-же суммы, хотя по другому титулу, но по такому, который онъ всегда отрицалъ. „Нравственная сфера дѣятельности,—объяснялъ далѣе Лохвицкій: есть сфера свободная, и судъ не въ правѣ постановлять рѣшеніе по нравственной обязанности кого-либо уплатить долгъ.— Судъ въ искѣ П. отказалъ.

Потерпѣвъ фіаско по двумъ послѣднимъ дѣламъ, повѣренный г-жи П. обратился въ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ съ жалобой, въ коей обвинялъ Лохвицкаго въ принятіи завѣдомо-безнравственныхъ дѣлъ, въ томъ, что онъ, сознавая будто-бы безнравственность, безчестность требованій своего довѣрителя, поддерживалъ ихъ на судѣ. Доказательствомъ

*) Впослѣдствіи дѣло было перевершено и домъ возвращенъ г-жѣ П.

„завѣдомости“ жалобщикъ выставлялъ защитительную рѣчь самого Лохвицкаго на уголовномъ судѣ, когда онъ самъ признавалъ поступки Элькина безчестными и безнравственными.

Возражая противу предъявленнаго къ нему обвиненія, Лохвицкій прежде всего коснулся нравственной стороны всѣхъ дѣлъ Элькина съ П., въ связи съ тѣми особыми отношеніями, въ которыхъ стояли стороны другъ къ другу. „Я не думаю, говорилъ онъ: чтобы кто нибудь одобрилъ поведеніе 50-лѣтней женщины, матери замужней дочери и женатыхъ сыновей, которая пишетъ къ 23-лѣтнему молодому человѣку сладострастныя письма, даетъ деньги, которыя идутъ на игру, совершаетъ крѣпостные акты, сила и значеніе коихъ ей хорошо извѣстны, и затѣмъ заявляетъ объ обманахъ, подымаетъ неправильное уголовное дѣло, разбиваетъ будущность того самого человѣка, которому сама же писала сладострастныя письма“. „Нужно взглянуть,— писалъ далѣе Лохвицкій, на теперешнее положеніе Элькина, выбитаго изъ колеи, просидѣвшаго долгое время въ заключеніи, въ теченіи 4 лѣтъ лишеннаго возможности имѣть какое-либо занятіе, погрязшаго въ долгахъ, у котораго по искамъ г-жи П. отобраны были не только нѣсколько сотъ рублей денегъ, но проданы были даже карманные часы и портсигаръ, и тогда сказать, кто во всемъ этомъ дѣлѣ является потерпѣвшей стороной и потерпѣвшей сверхъ всякой мѣры“. Жестокое преслѣдованіе Элькина со стороны г-жи П., перемѣнившей свою страстную любовь на чудовищную ненависть, могло имѣть лишь одну цѣль: поставить Элькина въ такое положеніе, при которомъ долгіе годы едва начавшейся жизни ему пришлось бы проволачить въ долговой тюрьмѣ.

Вотъ какова, по убѣжденію Лохвицкаго, была внутренняя, „нравственная“ подкладка всѣхъ судебныхъ дѣлъ г-жи П. Онъ, Лохвицкій, вовсе не заблуждался на счетъ личныхъ достоинствъ своего кліента; онъ находилъ только, что Элькинъ болѣе заслуживаетъ человѣчнаго участія къ себѣ, чѣмъ „по-

терпѣвшая“ г-жа П. Кромѣ того, каковъ-бы ни былъ Элькинъ самъ по себѣ, онъ могъ быть совершенно правымъ въ извѣстныхъ положеніяхъ. Такъ, занявъ деньги на срокъ, онъ и юридически, и нравственно, имѣлъ основаніе отказываться отъ платежа до срока; уплативъ деньги за домъ, онъ имѣлъ такое-же основаніе считать свою купчую крѣпость незыблемымъ актомъ; въ виду поползновеній противной стороны отобрать отъ него домъ и получить еще деньги за этотъ-же домъ, онъ имѣлъ совершенно правильное основаніе видѣть въ такихъ поползновеніяхъ стремленіе содрать двѣ шкуры съ одного вола. Если онъ, Лохвицкій, признавалъ *нѣкоторыя* дѣйствія Элькина весьма недоброкачественными, безчестными, то изъ сего не слѣдуетъ, чтобы всѣ дѣянія его были безнравственны. Онъ былъ убѣжденъ и во всѣхъ стадіяхъ процесса заявлялъ объ убѣжденіи своемъ въ томъ, что Элькинъ уплатилъ г-жѣ П., деньги за домъ, хотя уплатилъ только половину, но вѣдь онъ никогда не отрицалъ права г-жи П., на другую половину. Противу гражданскихъ исковъ П., онъ возражалъ и на уголовномъ судѣ, считая то своей обязанностію, какъ защитника, что однако ему никто въ вину не ставитъ. Когда эти иски изъ уголовнаго суда перешли въ гражданскій, Лохвицкій смотрѣлъ на нихъ, какъ на продолженіе того-же уголовнаго дѣла, и менѣе чѣмъ кто-либо считалъ себя въ правѣ отказать въ защитѣ своему кліенту.

Наконецъ относительно того значенія, какое имѣлъ вердиктъ присяжныхъ засѣдателей для гражданскихъ дѣлъ, онъ, Лохвицкій, за состоявшейся кассаціей обвинительнаго приговора, считалъ этотъ вердиктъ не судебнымъ рѣшеніемъ, а лишь мнѣніемъ извѣстныхъ лицъ, компетентныхъ только въ вопросахъ о преступленіи, а такъ какъ никакого вопроса о преступленіи Элькина не оказалось, то и мнѣнію присяжныхъ никакого юридическаго значенія придавать было нельзя: кромѣ того онъ не раздѣлялъ этого мнѣнія и по существу.

Всѣ приведенныя объясненія Лохвицкаго ясно указываютъ, что съ самого-же начала дѣла и во все его продол-

женіе онъ отвергалъ всякую завѣдомость свою на счетъ безнравственности домогательствъ его кліента; вовсе не думая прятаться за формальную сторону, онъ напротивъ прямо заявлялъ, что вся внутренняя подкладка дѣлъ Элькина говоритъ за него, что всѣ требованія его на судѣ гражданскомъ были вполнѣ правильны, какъ въ юридическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. При дальнѣйшемъ ходѣ дисциплинарнаго процесса Лохвицкій, не ограничиваясь объясненіями по существу дѣла, прямо выставлялъ уже принципіальный вопросъ, отвергая всякое право совѣта привлекать присяжныхъ повѣренныхъ къ отвѣту по поводу принятія ими дѣлъ.

Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ обвинилъ Лохвицкаго, опредѣливъ ему 3-хъ мѣсячный интердиктъ; судебная палата увеличила наказаніе до maximum'а, исключивъ Лохвицкаго изъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ, а общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ сената *единогласно*, какъ сообщали газеты *), оправдало его, уничтоживъ все дисциплинарное производство. Присутствовавшая въ сенатѣ публика, состоящая главнымъ образомъ, какъ извѣстно, изъ петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, отнеслась къ рѣшенію общаго собранія „вполнѣ сочувственно, что и выразила аплодисментами, которыми она сопровождала г. Лохвицкаго по выходѣ его изъ залы засѣданія“ **).

Нечего прибавлять, что мы въ полной мѣрѣ раздѣляемъ то сочувствіе, съ какимъ отнеслись къ Лохвицкому его петербургскіе собратья. Приговоры совѣта и палаты были неправильны и по существу, и по самой постановкѣ вопроса.

Мотивы совѣтскаго опредѣленія, собственно говоря, исчерпывались слѣдующими соображеніями: „адвокатъ обязанъ быть осмотрителенъ, разборчивъ и строгъ въ выборѣ своихъ дѣлъ, ни подъ какимъ видомъ не соглашаться поддерживать недобросовѣстныя (?) требованія и отклонять отъ себя вся-

*) *Русская Правда*, 1879 г., № 26. Ст. г. Михайлова о засѣданіи сената по дѣлу Лохвицкаго.

**) Ibid.

кое дѣло сомнительной честности, всякое дѣло, которое можетъ нарушить его достоинство.—Адвокатъ отвѣчаетъ за все, что требуетъ отъ суда (?), и Лохвицкій подлежитъ отвѣтственности за то, что поддерживалъ требованія Элькина. Онъ зналъ (?), какимъ безчестнымъ путемъ достались Элькину и деньги, и домъ, самъ признавалъ поступки (?) Элькина безчестными, и несмотря на это не затруднился взять на себя веденіе гражданскихъ его дѣлъ“.

Разсматривая тѣ изъ указанныхъ соображеній, которыя касаются существа дѣла, не трудно будетъ замѣтить, что самыя положенія свои совѣтъ констатировалъ не совсѣмъ правильно; такъ, Лохвицкому приписано, напр., *знаніе* того, что домъ пріобрѣтенъ Элькинымъ безчестнымъ путемъ, а не самымъ быкновеннымъ — за деньги; мнѣніе его о безнравственности нѣкоторыхъ поступковъ Элькина распространено на всѣ дѣйствія послѣдняго; несмотря на высказанное Лохвицкимъ убѣжденіе въ справедливости всѣхъ требованій Элькина на судѣ гражданскомъ, онъ почему-то *долженъ былъ* считать ихъ недобросовѣстными, вопреки, стало быть, своему убѣжденію. Очевидно, совѣтъ взялъ здѣсь на себя совершенно непосильную работу—провѣрить убѣжденіе Лохвицкаго, взвѣсить тѣ „неуловимыя и невѣсомыя данныя“, изъ коихъ сложилось оно и кои, по собственному признанію совѣта въ другомъ случаѣ, вообще недоступны для него.

Г. Джаншіевъ старается увѣрить своихъ читателей, что относительно „завѣдомости“ дѣло Лохвицкаго представлялось безспорнымъ. Между тѣмъ ему должно быть извѣстно, какимъ образомъ состоялось рѣшеніе по этому дѣлу судебной палаты. Почти во всѣхъ газетахъ сообщалось тогда, что мнѣнія членовъ палаты были раздѣлены: одни подавали голосъ за полное оправданіе Лохвицкаго, другіе—за обвиненіе, при чемъ нѣкоторые предлагали оставить совѣтскую мѣру взысканія, а нѣкоторые требовали исключенія. Извѣстно было также, что изъ всего числа присутствовавшихъ членовъ палаты за исключеніе Лохвицкаго было меньшинство и несмотря на это,

вопреки всякимъ законамъ, онъ все таки былъ исключенъ *). Г. Джаншіеву должно быть извѣстно также и то, что тѣ члены палаты, которые стояли за оправданіе Лохвицкаго, представили свои особыя, мотивированныя мнѣнія, въ коихъ одни смотрѣли на дѣло съ той принципіальной точки зрѣнія, которая принята была затѣмъ и сенатомъ, а другіе находили невозможнымъ обвинять Лохвицкаго по самому существу т. е. по отсутствію „завѣдомости". Г. Джаншіевъ долженъ знать все это и потому хотя-бы въ трактатѣ по этикѣ долженъ былъ-бы воздержать себя отъ такихъ смѣлыхъ, чтобъ не сказать больше, увѣреній...

Допустимъ, наконецъ, что дѣла Элькина были такого свойства, что присяжному повѣренному лучше было-бы за нихъ и не браться; и при такомъ даже предположеніи оправданіе Лохвицкаго должно быть привѣтствуемо всѣми истинными друзьями адвокатуры, — именно потому, что обвиненіе его создавало весьма опасный прецедентъ: практика дисциплинарнаго суда могла-бы усвоить себѣ вредныя начала психическаго сыска, контроля надъ совѣстью человѣка, надъ его внутренними убѣжденіями, а такія начала неминуемо низвели-бы адвокатуру до того печальнаго уровня, о которомъ мы уже говорили. „Къ счастію сословія, — писали мы въ некрологѣ,—властное слово высшаго судебнаго учрежденія въ Россіи положило предѣлъ этому ненормальному движенію, поставивъ вопросъ въ соотвѣтствующія ему рамки теоретической борьбы,—и честь такого исхода дѣла всецѣло принадлежитъ Лохвицкому; на своихъ плечахъ вынесъ онъ свободу и независимость русской адвокатуры". Честь эта тѣмъ болѣе велика, добавимъ мы теперь, что много гражданскаго мужества и душевныхъ силъ требовалось борцу, когда онъ вдругъ увидалъ противъ себя не только кустарей литературы, но и людей, воодушевленныхъ искренней, хотя и своеобразно понимаемой любовью къ сословію...

———o———

*) См. напр., тотъ-же № *Русской Правды*.

VIII.

Рѣшеніе сената по дѣлу Лохвицкаго представляется замѣчательнымъ какъ по ясности и опредѣленности принциповъ, имъ установляемыхъ, такъ и по соотвѣтствію его съ духомъ и намѣреніями того органическаго закона, коимъ учреждался у насъ институтъ прясяжной адвокатуры.

Извѣстно, что составители нашихъ судебныхъ уставовъ предполагали предоставить адвокатскія занятія исключительно однимъ присяжнымъ повѣреннымъ. Конечно, предположенія эти могли быть осуществлены только тогда, когда число присяжныхъ повѣренныхъ въ каждомъ судебномъ округѣ было-бы признано достаточнымъ для удовлетворенія тѣхъ общественныхъ потребностей, коими вызывается самое учрежденіе адвокатуры. Съ этою цѣлію предполагался извѣстный для каждаго округа комплектъ присяжныхъ адвокатовъ, по выполненіи котораго адвокаты эти и должны были получить монополію на веденіе судебныхъ дѣлъ. Безъ сомнѣнія, мысль о вредѣ, неизбѣжномъ при всякой монополіи, должна была остановить на себѣ вниманіе и составителей новыхъ судебныхъ законовъ; о мѣрахъ, достаточныхъ для того, чтобы парализовать тотъ вредъ, мы читаемъ въ слѣдующихъ строкахъ:

„кто получаетъ привилегію на удовлетвореніе какой-либо общественной потребности, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ принять на себя и соотвѣтствующую этой привилегіи обязанность *непремѣнно удовлетворять* означенную потребность, ибо въ противномъ случаѣ общество было-бы поставлено въ такое положеніе, что нѣкоторыя лица или корпораціи извѣстныхъ лицъ получили-бы исключительное право удовлетворять одну изъ существенныхъ его потребностей, такъ, что никто внѣ этой корпораціи не имѣлъ-бы этого права, а между тѣмъ эта привилегированная корпорація отказалась-бы удовлетворять эту потребность; послѣдствіемъ сего было-бы то, что означенная потребность, несмотря на ея существенную

необходимость, осталась-бы безъ удовлетворенія. Медики имѣютъ исключительное право лечить больныхъ; вмѣстѣ съ этимъ правомъ лежитъ на нихъ и обязанность непремѣнно лечить тѣхъ, кто къ нимъ обращается. *Соотвѣтствующее сему правило должно быть постановлено и относительно присяжныхъ повѣренныхъ:* они получаютъ исключительное право вести тяжебныя дѣла, *на нихъ-же должна быть возложена и обязанность непремѣнно вести эти дѣла,* ибо въ противномъ случаѣ они пользовались-бы только правами, безъ соотвѣтствующихъ онымъ обязанностей, въ очевидный ущербъ обществу, лишающемуся такимъ образомъ возможности имѣть повѣренныхъ на судѣ, несмотря на неизбѣжную въ нихъ необходимость" *).

Смыслъ приведенной цитаты ясенъ и не допускаетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, какъ смотрѣли творцы уставовъ на существо и задачи адвокатуры; если мы припомнимъ здѣсь тѣ дѣйствующія теперь узаконенія, по коимъ защита подсудимыхъ по назначенію отъ суда и веденіе гражданскихъ процессовъ лицъ неимущихъ по назначенію отъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, являются для послѣднихъ безусловно обязательными, - то вопросъ о принятіи адвокатомъ того или другаго дѣла получаетъ весьма несложное рѣшеніе.

Противъ этого обыкновенно возражаютъ: возможно-ли, чтобы благородные составители нашихъ судебныхъ уставовъ хотѣли обязать присяжныхъ повѣренныхъ вести всякія, а слѣдовательно и явно безнравственныя, завѣдомо-мошенническія дѣла? вѣдь не государственные же рабы адвокаты, чтобы можно было насильно дѣлать ихъ пособниками вопіющей неправды! Интересно, что тѣ же возражатели не ставятъ такого вопроса: возможно-ли, чтобы разумные составители нашихъ судебныхъ уставовъ хотѣли обязать присяжныхъ повѣренныхъ вести всякія, а слѣдовательно и завѣдомо-без-

---

*) *Судебные уставы, съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны,* изд. госуд. канцел. 1867 г., ч. 3, соображенія къ ст. 394.

смысленныя дѣла? вѣдь бываютъ-же такіе случаи, что кліентъ требуетъ отъ адвоката, напр., взыскать съ Ивана по обязательству Петра, или предъявить искъ по займу на честное слово, говоря короче — разныя нелѣпости предлагаютъ адвокату, неужели онъ обязанъ принимать и такія, явно-безсмысленныя дѣла? Такого вопроса обыкновенно не ставятъ, ибо всѣ хорошо знаютъ, что ожидать здѣсь утвердительнаго отвѣта было бы тоже явно безсмысленно: къ тому же такое возраженіе не помогало, а прямо вредило-бы извѣстной тенденціозности, оно портило-бы весь эффектъ трескучей фразы, которая уже приготовлена для окончательнаго вывода изъ перваго возраженія Между тѣмъ завѣдомая безнравственность и завѣдомая безсмысленность требованій кліента стоятъ въ одинаковомъ отношеніи къ вопросу объ обязанности адвоката принимать на себя веденіе дѣлъ. Если мы говоримъ, что законодатель имѣлъ въ виду сдѣлать обязанностію присяжныхъ повѣренныхъ принятіе всякихъ дѣлъ, то само собою разумѣется, что завѣдомо-безнравственныя, какъ и завѣдомо-безсмысленныя дѣла здѣсь исключаются, ибо это даже не будутъ и дѣла, это — или пособничество въ преступленіи, или ябеда.

Однако, если по мысли закона, занятіе адвокатурою должно быть *обязанностію* присяжныхъ повѣренныхъ и если въ то же время послѣдніе должны быть избавлены отъ веденія извѣстнаго сорта дѣлъ, то гдѣ же гарантія того, что сказанная обязанность не сведется на нѣтъ, если адвокаты, прикрываясь якобы убѣжденіемъ своимъ въ неправотѣ дѣла, будутъ отказываться и отъ дѣлъ правыхъ, но почему-либо невыгодныхъ для нихъ?

„Если предоставить присяжнымъ повѣреннымъ право отказываться отъ веденія дѣлъ, объявивъ только, что поручаемое дѣло *несогласно съ ихъ убѣжденіями*, то они всегда могутъ пользоваться этимъ правомъ, когда тяжущіеся не согласятся заплатить имъ столько, сколько они запросятъ, слѣдовательно веденіе дѣлъ по таксѣ сдѣлается не возмож-

нымъ и всѣ тяжущіеся подвергнутся вымогательству со стороны повѣренныхъ“ *).

И такъ, слѣдовательно, одни уже практическія соображенія не позволяютъ считать личное мнѣніе адвоката о неправотѣ извѣстнаго дѣла достаточнымъ поводомъ къ отказу въ принятіи его. Нужно, слѣдовательно, установить какой-нибудь обязательный принципъ, которымъ должны руководствоваться адвокаты въ вопросѣ о принятіи дѣлъ. Если сами присяжные повѣренные достаточно гарантированы отъ возможности навязыванья имъ недоброкачественныхъ дѣлъ статьею 394 учрежд. суд. уст., то чѣмъ гарантированы тяжущіеся отъ злоупотребленій монополіей? Приведенная статья закона освобождаетъ адвоката отъ веденія дѣла, если онъ представитъ совѣту *достаточныя для сего причины.* Но вѣдь составители судебныхъ уставовъ были озабочены той мыслью, какъ-бы вся „привиллегированная корпорація не отказалась удовлетворять существенную потребность общества“. Такимъ образомъ, установленіе извѣстнаго регулирующаго принципа вызывалось самой необходимостью. Этимъ принципомъ является *закономѣрность:* адвокатъ долженъ принять дѣло, разъ только требованія тяжущагося закономѣрны. Существо профессіональныхъ обязанностей присяжнаго повѣреннаго исчерпывается приносимой имъ присягой, въ которой онъ прежде всего, послѣ общаго долга вѣрноподданичества, клянется въ точности соблюдать законы; и совѣты присяжныхъ повѣренныхъ обязаны смотрѣть, чтобы подвѣдомственные имъ адвокаты точно исполняли законы (ст. 367 п. 2).

Покойный Деппъ, авторитетъ котораго обязательно рекомендованъ намъ г. Джаншіевымъ, въ той самой статьѣ, которую (хотя и не вѣрно) цитируетъ сей послѣдній, писалъ между прочимъ слѣдующее: „адвокатъ можетъ отказать въ своей защитѣ —(рѣчь идетъ о гражданскихъ дѣлахъ),— разумѣется только тогда, когда изъ самого дѣла онъ положи-

*) Ibid.

тельно усмотрить, что въ пользу обращающагося къ нему за защитою нѣтъ рѣшительно *законныхъ* доводовъ, которые могли-бы произвести сомнѣніе; въ противномъ случаѣ, *несмотря на личное свое убѣжденіе* въ правотѣ или неправотѣ дѣла, онъ не можетъ брать на себя отвѣтственность за отказъ въ правосудной защитѣ, такъ какъ убѣжденіе его можетъ быть неправильное или даже, при производствѣ самого дѣла, могутъ открыться обстоятельства, измѣняющія даже его взглядъ" *).

Сопоставимъ съ этими словами „почтеннаго юриста" одно мѣсто изъ комментарія къ ст. 384 учреж. суд. уст. Въ соображеніяхъ, приведенныхъ подъ означенной статьей, говорится о правѣ переѣзда присяжныхъ повѣренныхъ изъ одного города въ другой и между прочимъ проводится параллель между нашими и французскими адвокатами. „Тамъ обязанность адвоката (avocat) отдѣлена отъ обязанности повѣреннаго (avouè); адвокатъ не состоитъ при какомъ-либо опредѣленномъ судѣ, не ведетъ дѣла, не составляетъ бумагъ; его помощь требуется только въ день доклада дѣла, въ публичномъ засѣданіи, для словесной защиты; *онъ не стѣсняется предложеніемъ тяжущихся и не обязанъ защищать неправое дѣло*. Понятно, что *при такой исключительности* обязанностей адвокатовъ во Франціи" и т. д.

Приведенныхъ выдержекъ, полагаемъ, совершенно достаточно, чтобы придти къ такому заключенію: по мысли закона, веденіе судебныхъ дѣлъ должно составлять *право и обязанность* присяжныхъ повѣренныхъ; право заключается въ монополіи, каковая должна быть имъ предоставлена, а обязанность—въ томъ, чтобы они не отказывались отъ веденія предлагаемыхъ имъ дѣлъ безъ достаточныхъ для сего основаній; личное убѣжденіе присяжныхъ повѣренныхъ о недоброкачественности требованій кліента *при закономѣрности* послѣд-

*) *Журналъ Министерства Юстиціи*, 1861 г., № 12. Ст. Н. Деппа: *О значеніи адвокатовъ въ гражданскомъ процессѣ*, стр. 436.

нихъ не можетъ считаться достаточнымъ основаніемъ къ отказу въ принятіи дѣла.

Противъ сдѣланнаго сейчасъ заключенія намъ приходилось слышать такое возраженіе: положимъ составители новыхъ судебныхъ уставовъ имѣли въ виду придать именно такой характеръ учреждаемому ими институту, но характеръ этотъ долженъ быть усвоенъ имъ только тогда, когда учрежденіе будетъ введено вполнѣ, со всѣмъ объемомъ правъ и обязанностей, ему присущихъ, другими словами: — когда будетъ объявленъ и выполненъ комплектъ личнаго состава адвокатуры. — Согласны, хотя и не можемъ признать это за возраженіе: мы и не хотѣли доказывать, что лежащая въ идеѣ института обязанность должна быть исполняема присяжными повѣренными теперь-же, когда они не пользуются всѣми лежащими въ той-же идеѣ правами; мы хотѣли только раскрыть духъ и истинный разумъ законовъ, опредѣляющихъ права и обязанности адвоката, показать типъ его или идеалъ, какимъ рисовался онъ умственному взору законодателя.

Говорятъ еще и то: если дѣйствительно по идеѣ закона такая тяжелая обязанность возлагается на адвоката, то пусть онъ исполняетъ ее тогда, когда онъ положительно принуждается къ тому т. е. когда онъ назначенъ повѣреннымъ отъ совѣта или защитникомъ отъ суда; тогда онъ будетъ исполнять эту обязанность *безкорыстно*, какъ суровое предписаніе закона, какъ долгъ, налагаемый званіемъ; онъ найдетъ тогда себѣ такое-же оправданіе, какъ солдатъ, охраняющій тюрьму и обязанный стрѣлять въ бѣгущаго арестанта, вопреки, можетъ быть, собственному убѣжденію. Другое дѣло, когда въ такое положеніе становится адвокатъ добровольно, да еще за деньги...

Во всѣхъ этихъ замѣчаніяхъ скрывается или глубокое непониманіе предмета, или благонамѣренное ханжество. Прежде всего по ст. 392 всякій тяжущійся имѣетъ право просить совѣтъ (при полномъ комплектѣ) назначить ему повѣреннаго и совѣтъ обязанъ исполнить эту просьбу; легко можетъ быть,

что это право тяжущихся перейдетъ въ обычай, что большинство изъ нихъ иначе, какъ черезъ совѣтъ, и не будетъ имѣть у себя адвокатовъ; тогда при обязательномъ безкорыстіи, адвокатскій трудъ лишится самого важнаго для всякаго труда стимула — вознагражденія, что само собой отзовется на личномъ составѣ адвокатуры и отзовется самымъ нежелательнымъ образомъ. Кромѣ того, дѣйствительно-ли безкорыстно будетъ дѣйствовать адвокатъ, если онъ даже ничего не возьметъ непосредственно изъ рукъ своего кліента? По ст. 397 присяжный повѣренный получаетъ гонораръ даже и въ томъ случаѣ, когда онъ по назначенію отъ совѣта ведетъ дѣло лица неимущаго, пользующагося правомъ бѣдности, а въ ст. 398 опредѣляется способъ и порядокъ вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ за такъ называемыя казенныя защиты. Да и вообще можно-ли говорить о такомъ безкорыстіи адвоката при отправленіи имъ своихъ обязанностей, когда корысть заключается уже въ томъ, что обязанностямъ этимъ соотвѣтствуютъ извѣстныя права, съ которыми соединяются и матеріальныя выгоды, и общественное положеніе, и многое другое. А затѣмъ не страдаетъ-ли самая логика при тѣхъ выводахъ, какіе дѣлаютъ изъ раздѣленія адвокатскаго труда на обязательный и добровольный? — Представимъ себѣ двухъ адвокатовъ, изъ коихъ одинъ дѣйствуетъ ex officio, а другой по частному приглашенію; оба они ведутъ совершенно тождественныя дѣла, и пишутъ, и говорятъ одно и тоже, — почему одинъ изъ нихъ останется честнымъ человѣкомъ, а другой нѣтъ? — Надо очень плохо думать о законѣ, если это различіе объяснять принужденіемъ его.

IX.

Перейдемъ теперь къ рѣшенію сената по дѣлу Лохвицкаго и посмотримъ, заслужило-ли оно тѣ громы, какіе призываетъ на него г. Джаншіевъ. Сенатъ высказалъ:

„Для опредѣленія тѣхъ началъ, которыми должна регулироваться профессіональная дѣятельность адвоката, при принятіи и веденіи гражданскихъ дѣлъ, слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду, что всякій споръ о правѣ гражданскомъ подлежитъ вѣдѣнію суда, дѣятельность котораго заключается въ примѣненіи закона, опредѣляющаго какъ самое право, такъ и способъ удостовѣренія его дѣйствительности; гражданскій судъ не стремится къ отысканію абсолютной справедливости, онъ повѣряетъ и опредѣляетъ право тѣми способами, которые установлены закономъ, и на основаніи доказательствъ, представленныхъ сторонами, и разрѣшаетъ оное на основаніи законовъ, охраняющихъ и ограждающихъ спорное право. Если такимъ образомъ нравственность гражданскаго права менѣе строга, чѣмъ нравственность индивидуальная, если сей послѣдней нравственности не требуется отъ самого тяжущагося, обращающагося къ содѣйствію правосудія, то адвокатъ, какъ представитель извѣстной профессіи, извѣстной общественной дѣятельности, въ силу которой онъ является посредникомъ между тяжущимся и судомъ по предмету разрѣшенія вопроса о правѣ, не можетъ быть разсматриваемъ въ своей дѣятельности съ точки зрѣнія требованій индивидуальной нравственности. На обязанности адвоката не можетъ быть возложено розысканіе нравственной чистоты дѣла, и потому принятіе имъ гражданскаго дѣла къ своему производству можетъ регулироваться только *закономѣрностью* тѣхъ требованій, защитникомъ которыхъ онъ является, и наличностью тѣхъ данныхъ для удостовѣренія въ дѣйствительности защищаемаго права, которыя установлены закономъ или симъ послѣднимъ покровительствуются. При этомъ нельзя оставить безъ вниманія и то, что *критерій индивидуальной нравственности слишкомъ неуловимъ* и понимается всякимъ по своему; допустить обязанность присяжнаго повѣреннаго устраняться отъ защиты правъ, которыя, по его мнѣнію, пріобрѣтены тяжущимся способами нечестными, значило-бы оставить значительное количество правъ, основан-

ныхъ на законѣ, безъ защиты и затруднить тяжущимся доступъ къ правосудію, ибо веденіе гражданскихъ дѣлъ требуетъ знанія и опытности, которыми не всегда обладаютъ сами тяжущіеся“. — „Возможность преслѣдованія адвоката за принятіе на себя веденія дѣлъ о правахъ, пріобрѣтенныхъ способами безнравственными, могла-бы превратить необходимый надзоръ за дѣятельностью присяжныхъ повѣренныхъ по ихъ званію въ *арену возмездія;* сторона, проигравшая дѣло на судѣ, сама или въ лицѣ своего повѣреннаго, получила-бы возможность преслѣдовать защитника правъ выигравшей стороны, приписывая ему свою неудачу и успѣхъ противника. Такъ и настоящее дѣло возникло по заявленію совѣту присяжныхъ повѣренныхъ защитникомъ правъ истицы П., послѣ отказа судомъ въ искѣ его довѣрительницы“.

Все это рѣшеніе можетъ показать всякому непредубѣжденному читателю, что высшій кассаціонный судъ остался на высотѣ своего призванія. Установивъ, что присяжные повѣренные при пріемѣ дѣлъ обязаны руководствоваться лишь закономѣрностью требованій тяжущихся, не входя въ розысканіе нравственной чистоты дѣла и не обращая вниманія на способы пріобрѣтенія ихъ *законныхъ* правъ, сенатъ совершенно вѣрно объяснилъ законъ, вполнѣ согласно съ духомъ его и намѣреніями законодателя. За что-же сыплются на него такіе громы? цѣлыхъ 20 страницъ посвятилъ г. Джаншіевъ „критикѣ“ сенатскаго рѣшенія; любопытно взглянуть, какова эта критика.

Сенатъ замѣтилъ, что между нравственностью гражданскаго права и нравственностью индивидуальной есть разница: первая не такъ строга, какъ послѣдняя; отъ самого тяжущагося никто не требуетъ, чтобы онъ во всемъ согласовался съ предписаніями нравственности индивидуальной; довольно, если домогательства его согласуются съ нравственностью гражданскаго права. И адвокатъ, не какъ частный человѣкъ, а какъ представитель извѣстной профессіи, *какъ посредникъ между тяжущимся и судомъ по предмету разрѣшенія вопроса*

о правѣ, не можетъ быть разсматриваемъ *въ этой своей дѣятельности* съ точки зрѣнія требованій индивидуальной нравственности. Сказано, кажется, ясно. Нѣтъ, — г. Джаншіевъ хочетъ кого-то увѣрить, будто сенатъ вообще не признаетъ за адвокатами обязанности быть честными, — и на нѣсколькихъ страницахъ иронизируетъ по поводу этой, имъ самимъ навязанной сенату теоріи. . . . .

Самое выраженіе: „нравственность гражданскаго права“ г. Джаншіеву очень не нравится: „ни какой нравственности гражданскаго права не существуетъ!“ — объявляетъ онъ. Мы не станемъ опровергать такое оригинальное воззрѣніе, — ибо намъ пришлось бы очень долго говорить о томъ, сколько въ нашемъ гражданскомъ кодексѣ осталось законовъ, сохранившихся въ качествѣ такъ называемаго переживанія и когда-то вполнѣ соотвѣтствовавшихъ извѣстнымъ нравственнымъ представленіямъ, словомъ, — намъ пришлось бы распространяться о такихъ элементарныхъ вещахъ, которыя должны быть извѣстны всякому. . . . .

Вотъ лучше еще одинъ и послѣдній образчикъ „критики“: „сенатъ говоритъ, что присяжные повѣренные не должны руководствоваться „безусловною нравственностью“, не замѣчая того, что онъ только что призналъ нравственность неуловимою; какъ же она неуловима и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безусловна?“ *) — не правда-ли, ядовито замѣчено? ловко изловилъ сенатъ господинъ Джаншіевъ! одно только досадно, что разсуждая о неуловимости нравственности, сенатъ говорилъ о нравственности индивидуальной, а не безусловной, хотя вносные знаки при послѣднемъ опредѣленіи и проставлены г. Джаншіевымъ! „Критическій“ пріемъ автора этюда по этикѣ оказывается тоже оригинальнымъ. . . . .

Въ итогахъ такой критики, какъ и слѣдовало ожидать, оказалось, что рѣшеніе сената — это „прискорбная ошибка“, которую г. Джаншіевъ проситъ скорѣе забыть „тѣмъ болѣе, [illegible]

*) См. книжку г. Джаншіева, глава VI, передъ нѣмецкимъ стихотвореніемъ.

что самъ сенатъ старается исправить её", бросивъ ту точку зрѣнія, на которой стоялъ онъ въ дѣлѣ Лохвицкаго. Посмотримъ, не будетъ-ли г. Джаншіевъ счастливѣе на этотъ разъ,—можетъ быть сенатъ и въ правду убѣдился, что онъ „окончательно упразднилъ нравственность изъ адвокатскаго кодекса". Въ доказательство сенатскаго покаянія г. Джаншіевъ приводитъ *одно* только рѣшеніе сената по дѣлу Бориславскаго. Разсмотримъ его.

Фабула дѣла Бориславскаго была такова — (разскажемъ ее словами самого Джаншіева): между супругами Зориными происходилъ споръ о принадлежности дома; частный повѣренный Бориславскій предложилъ Зорину такой *обходъ закона:* послѣдній выдаетъ первому *фиктивные векселя* на сумму 800 руб. Векселя были выданы, при чемъ Бориславскій обязался деньги, вырученныя за продажу дома, за исключеніемъ 50 руб., возвратить Зорину. Адвокатъ предъявилъ векселя ко взысканію, получилъ исполнительные листы, домъ продалъ, деньги взыскалъ, но *при разсчетѣ произошелъ споръ.* Судебная палата осудила адвоката *за обходъ закона и за завѣдомо-ложныя объясненія относительно разсчетовъ* съ Зоринымъ и исключила изъ числа частныхъ повѣренныхъ. Разсмотрѣвъ дѣло по кассаціонной жалобѣ Бориславскаго, сенатъ нашелъ, что такъ какъ по собственному сознанію кассатора, выраженному въ его-же жалобѣ, сдѣлка по векселямъ была совершена въ обходъ закона, къ тому-же Бориславскій утверждалъ завѣдомо-ложные факты, — то принимая во вниманіе, что „лица, коимъ ввѣряется охраненіе и защита правъ, обязаны руководствоваться, *по самому свойству ихъ обязанностей, только закономъ,* не прибѣгая при веденіи дѣлъ ни къ какимъ уловкамъ *въ обходъ и обманъ закона*", слѣдуетъ признать, что Бориславскій совершилъ дѣйствіе предосудительное; посему жалоба его оставлена безъ послѣдствій.

Мы не говоримъ уже о томъ, что дѣло Бориславскаго не имѣетъ ничего общаго съ дѣломъ Лохвицкаго ни со стороны фактической, ни со стороны вопросовъ, возникавшихъ тамъ

и здѣсь. Въ дѣлѣ Лохвицкаго важно было рѣшить, *какія* дѣла можетъ принимать адвокатъ, а въ дѣлѣ Бориславскаго— *какъ и какимъ образомъ* долженъ онъ вести дѣла. Этихъ послѣднихъ вопросовъ мы совсѣмъ и не касаемся въ настоящемъ трудѣ, считая дисциплинарный судъ вполнѣ компетентнымъ въ обсужденіи таковыхъ. При всемъ томъ и дѣло Бориславскаго отнюдь не указываетъ на какой-либо поворотъ въ воззрѣніяхъ сената: и здѣсь точно также категорически заявляется, что адвокаты „по самому свойству своихъ обязанностей, должны руководствоваться *только* закономъ".

На чемъ-же однако основывается торжество г. Джаншіева?— онъ говоритъ, что вслѣдъ за рѣшеніемъ по дѣлу Лохвицкаго онъ уже пророчествовалъ, что скоро настанетъ тотъ часъ, когда сенатъ сознаетъ свою ошибку,—и вотъ, когда объявили рѣшеніе Бориславскому, часъ этотъ пробилъ! даръ прорицанія, такимъ образомъ, доказанъ. Въ чемъ-же, однако, дѣло?

Бориславскій, признавая всѣ приписанные ему факты, между прочимъ оправдывался передъ сенатомъ тѣмъ, что все имъ совершенное касается будто-бы процессуальной стороны, а съ этой стороны имъ все было сдѣлано правильно и законно. Отвѣчая на этотъ доводъ, сенатъ сказалъ: „хотя этотъ образъ дѣйствій *Бориславскій называетъ* только процессуальной стороной дѣла, но *эта* процессуальная, по внѣшней формѣ законная сторона дѣла скрывала за собою другую, предосудительную; всякое дѣйствіе частнаго повѣреннаго, совершенное имъ въ обходъ закона, есть само по себѣ дѣйствіе предосудительное".— Вотъ и все, что нужно было г. Джаншіеву изъ рѣшенія сената и въ оправданіе своего пророческаго дара, и въ доказательство сенатскаго покаянія! между тѣми словами рѣшенія, въ коихъ выражается мысль, что внѣшняя сторона дѣла прикрываетъ другую, предосудительную, г. Джаншіевъ вставляетъ въ скобкахъ со знакомъ восклицательнымъ въ знакъ полнаго своего торжества: „стало быть, бываетъ-же еще сторона, кромѣ внѣшней!"—„Что и требовалось доказать!"—

уже совсѣмъ захлебываясь восклицаетъ онъ, мысленно драппируя на себѣ складки пророческой милоти. Но что доказать и кому доказать? то, что кромѣ внѣшней стороны дѣла бываетъ еще другая, внутренняя? кто-жъ этого не зналъ? сенатъ?? Вотъ ужъ по истинѣ-то sancta simplicitas! но не будемъ огорчать г. Джаншіева и предоставимъ ему также торжественно открывать Америки и въ будущемъ; замѣтимъ только, что если въ рѣшеніи по дѣлу Лохвицкаго сенату не приходилось говорить о разныхъ сторонахъ дѣла, такъ только потому, что къ этому не представлялось ни малѣйшаго повода: лично Лохвицкому никто и не приписывалъ такихъ *дѣйствій*, которыя прикрывались-бы внѣшней, законной стороной, тогда какъ въ дѣлѣ Бориславскаго были установлены такіе поступки лично самого адвоката, какъ взятіе фиктивныхъ векселей, дача завѣдомо-ложныхъ объясненій и проч., что составляло обходъ закона и въ чемъ, по мнѣнію сената, и выражалась внутренняя, предосудительная сторона дѣла.

Такимъ образомъ, рѣшеніе по дѣлу Бориславскаго, равно какъ и всѣ другія рѣшенія по занимающему насъ вопросу, показываютъ только одно, что сенатъ твердо стоитъ на усвоенной имъ точкѣ зрѣнія, объясненной въ рѣшеніи по дѣлу Лохвицкаго. Нужно замѣтить, что такихъ рѣшеній сената, которыя касались-бы именно этого вопроса, вообще очень мало, что, конечно, объясняется рѣдкостью случаевъ привлеченія адвокатовъ къ дисциплинарному суду по поводу принятія ими дѣлъ; такіе случаи, какъ мы уже сказали, представляются рѣдкими печальными исключеніями. Но и затѣмъ *во всѣхъ* тѣхъ случаяхъ, которые только восходили до сената, онъ всегда и послѣдовательно проводилъ одинъ и тотъ-же взглядъ. Такъ, по дѣлу Табенцкаго (1879 г. № 4) сенатъ обсуждалъ отношенія адвоката къ уголовнымъ дѣламъ, при чемъ онъ разъяснилъ, что „защитнику ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставлено въ вину принятіе на себя защиты такого лица, въ невиновности коего онъ не убѣжденъ“. Въ рѣшеніи по дѣлу Корноухова (1880 г. № 30)

между прочимъ сказано: „нельзя признать правильнымъ то положеніе палаты, въ которомъ она установляетъ какъ общее правило, что повѣренный тогда только можетъ сохранить достоинство своего призванія, когда онъ принимаетъ на себя веденіе дѣла по предварительномъ изученіи онаго". Прямой выводъ отсюда тотъ, что адвокатъ можетъ взять дѣло, не изучивши его, т. е. не изслѣдовавши предварительно и всѣхъ его свойствъ.

X.

Цѣлію всѣхъ длинныхъ выписокъ, сдѣланныхъ нами изъ комментарія къ закону и изъ рѣшеній сената, было доказать, что мнѣніе наше о полной *юридической* безотвѣтственности адвокатовъ за принятіе ими дѣлъ имѣетъ болѣе чѣмъ прочное основаніе въ самомъ законѣ и кассаціонной практикѣ его верховнаго истолкователя. Отрицая право дисциплинарнаго суда контролировать адвоката въ этой сферѣ его дѣятельности, мы еще даже отставали отъ намѣреній законодателя, ибо мы требовали только для адвоката свободы руководствоваться при выборѣ дѣлъ своимъ личнымъ убѣжденіемъ, тогда какъ по идеѣ закона выборъ дѣлъ сводится лишь къ опредѣленію ихъ закономѣрности при полномъ игнорированіи личныхъ убѣжденій адвоката. Мы были, такъ сказать, уступчивѣе, чѣмъ самый законъ, ибо съ одной стороны обязанности присяжнаго повѣреннаго *непремѣнно* вести предлагаемыя ему дѣла пока еще не существуетъ, ибо онъ не пользуется еще всѣми правами своего званія, а съ другой стороны и общественное мнѣніе еще слишкомъ далеко отъ полной ассимиляціи идей законодателя.

Лучшимъ доказательствомъ послѣдняго положенія служатъ постоянныя нареканія на адвокатовъ по поводу защиты ими уголовныхъ дѣлъ. Кому не приходилось слышать подобныхъ замѣчаній: какъ можно было защищать такого злодѣя?

Къ сожалѣнію, отголосокъ этого общественнаго настроенія слышится иногда и въ мнѣніяхъ самихъ адвокатовъ. Мы помнимъ одинъ случай, когда присяжный повѣренный, подъ вліяніемъ подобныхъ толковъ своихъ товарищей, самъ, такъ сказать, пожаловался на себя т. е. добровольно предсталъ предъ дисциплинарнымъ судомъ, прося его рѣшить, дѣйствительно-ли онъ провинился въ чемъ-нибудь, защищая весьма не симпатичныхъ кліентовъ по ихъ приглашенію? Интересно, что возбуждая этотъ вопросъ предъ совѣтомъ, присяжный повѣренный спѣшилъ прибавкой, что онъ защищалъ *по убѣжденію* въ невиновности подсудимыхъ. Мы не будемъ обвинять этого адвоката въ томъ, что у него не хватило мужества поставить вопросъ ребромъ, отбросивъ „личное убѣжденіе", ибо совѣтъ оправдалъ его только потому, что „защита была принята имъ по убѣжденію въ правотѣ дѣла"!

Подобное отношеніе къ дѣлу уголовной защиты объясняется ложнымъ взглядомъ на самую роль защитника, въ коемъ все еще продолжаютъ видѣть только представителя обвиняемаго, его мандатарія. Такой взглядъ совершенно отринутъ современной наукой. Знаменитый Каррара, настоящій глава науки уголовнаго права въ Италіи, вполнѣ основательно доказалъ, что защита обвиняемыхъ есть институтъ общественнаго права, а не частнаго; защита эта вызывается не столько интересами отдѣльныхъ лицъ, сколько интересами цѣлаго общества, которое не можетъ допустить, чтобы члены его подвергались осужденію безъ того, чтобы имъ не были предоставлены всѣ законные способы къ оправданію. Каррара проэктировалъ даже учрежденіе особаго *трибуната защиты*, который пользовался-бы такою-же *властью* въ интересахъ защиты, какою въ обратномъ направленіи пользуется прокуратура. Защита, по мнѣнію означеннаго криминалиста, не только возможна, но даже необходима и *для сознавшагося* подсудимаго, ибо во 1-хъ, онъ можетъ быть жертвой заблужденія, во 2-хъ, онъ можетъ не знать о наличности обстоя-

тельствъ, извиняющихъ его вину, и въ 3-хъ, сознаніе обусловливается иногда отвращеніемъ къ жизни или желаніемъ спасти виновнаго *).

Дюшенъ и Пикаръ, тѣ строгіе моралисты, о коихъ мы уже говорили, также признаютъ, что адвокатъ имѣетъ право вести защиту даже въ томъ случаѣ, когда кліентъ сдѣлаетъ ему признаніе въ своей виновности, ибо признаніе это еще не предполагаетъ самой виновности: nemo auditur perire volentem. Въ этомъ случаѣ на обязанности адвоката лежитъ указать суду на все то, что можетъ возбудить сомнѣніе въ виновности подсудимаго, ибо доказывать виновность — дѣло прокуратуры. Общество въ высшей степени заинтересовано въ томъ, чтобы никто не былъ осужденъ безъ достаточныхъ къ тому доказательствъ и не былъ наказанъ, если доказательства обвиненія могутъ только подлежать сомнѣнію **).

Обязанность защитника, говоритъ Миттермайеръ, нисколько не измѣняется, если онъ лично убѣдился въ виновности подсудимаго, и даже если-бы послѣдній, по особому довѣрію къ нему, признался ему самъ. Въ большей части случаевъ только вслѣдствіе незнанія или лѣни защитникъ можетъ рѣшиться объявить, что онъ не находитъ средствъ къ защитѣ ***).

---

*) См. ст. А. Вульферта: *Очеркъ изслѣдованій Франческо Каррара объ уголовной защитѣ.* — *Юрид. Вѣстникъ,* 1883 г. № 4.

**) „L'avocat pourra donc plaider, lors même que son client lui aura fait des aveux. Son rôle, dans ce cas, se borne à faire valoir les doutes de la cause. C'est au Ministère Public à prouver la culpabilité. L'aveu de l'accusé est une présomption insuffisante: *Nemo auditur perire volentem.* La société a un plus grand intérêt à ne pas voir condamner sans preuves suffisantes qu'à fair punir un coupable quand l'accusation demeure incertaine dans sa démonstration". Duchaine et Picard: *Manuel pratique de la profession d'avocat*, cinquième partie, § LIII.

***) *Руководство къ защитѣ по уголовнымъ дѣламъ,* Миттермайера, перев. въ изд. Унковскаго, 1863 г., стр. 48.

Изъ русскихъ юристовъ проф. Владиміровъ, при всемъ нерасположеніи своемъ къ нашей защитѣ, все таки признаетъ, что „этика адвокатской профессіи дозволяетъ защитнику вести защиту подсудимаго при полномъ убѣжденіи въ его виновности“ *), а проф. Фойницкій научно установляетъ такія положенія: во 1-хъ, защитникъ можетъ *и долженъ* защищать подсудимаго, не стѣсняясь своимъ личнымъ мнѣніемъ о виновности его; во 2-хъ, онъ можетъ и долженъ воздерживать его отъ заявленій, которыя могли-бы быть вредны для интересовъ защиты, и въ 3-хъ, самымъ грубымъ нарушеніемъ долга защиты было-бы признаніе обвинительныхъ доказательствъ, опровергаемыхъ самимъ подсудимымъ. Эти положенія, замѣчаетъ почтенный профессоръ, *удивляютъ массу общества*, но они сами собой вытекаютъ изъ другаго безспорнаго тезиса: *правосудію нужно знать не личное мнѣніе защитника о дѣлѣ, а тѣ доводы и соображенія, которыя могутъ быть приведены въ пользу подсудимаго* **).

XI.

Поставивъ своей задачей дать посильное рѣшеніе главныхъ вопросовъ адвокатской этики и, если можно такъ выразиться, адвокатской политики, мы послѣ всего изложеннаго приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Принятіе всякихъ уголовныхъ дѣлъ безъ разбора, въ смыслѣ защиты, составляетъ прямую обязанность присяжнаго повѣреннаго, возлагаемую на него его званіемъ и особымъ характеромъ ин-

*) См ст. Л. Куперника: *Еще реформаторъ.— Юридич. Вѣстникъ*, 1886 г., № 5.

**) И. Фойницкій: *Защита въ процессѣ уголовномъ*, стр. 18. *Журналъ гражд. и угол. права*, 1885 г., Апрѣль.

ститута защиты, какъ учрежденія права общественнаго. Въ примѣненіи къ уголовнымъ дѣламъ, стало быть, самый вопросъ о выборѣ дѣлъ является празднымъ. Оговариваемся еще разъ, что здѣсь мы имѣемъ въ виду роль присяжнаго повѣреннаго, какъ защитника. Что-же касается до тѣхъ уголовныхъ дѣлъ, въ коихъ адвокаты выступаютъ въ качествѣ гражданскихъ истцевъ и частныхъ обвинителей, то здѣсь, какъ и во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ вообще, выборъ дѣлъ долженъ быть всецѣло предоставленъ свободному усмотрѣнію присяжныхъ повѣренныхъ, всѣ дѣйствія которыхъ, совершенныя въ предѣлахъ закономѣрности, будутъ вполнѣ законными, а слѣдовательно исключающими всякую юридическую отвѣтственность совершившаго ихъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній считаемъ нужнымъ замѣтить, что, обсуждая вопросъ, мы имѣли въ виду отношенія адвоката къ самому дѣлу, а не къ лицамъ, въ немъ участвующимъ; такъ какъ самъ законъ положительно опредѣляетъ, что присяжный повѣренный не можетъ вести дѣлъ противъ своихъ близкихъ родственниковъ, противъ собственныхъ-же довѣрителей и проч., то здѣсь возможны нарушенія закона, а слѣдовательно долженъ дѣйствовать и дисциплинарный судъ.

Намъ могутъ сказать, что иногда и вполнѣ закономѣрныя дѣйствія бываютъ такого сорта, что ими будетъ гнушаться всякій порядочный человѣкъ.—Совершенно вѣрно, и мы сами готовы привести самый подходящій къ адвокатскому дѣлу примѣръ. Извѣстно, что законъ предоставляетъ заключеніе договоровъ свободной волѣ контрагентовъ; къ числу такихъ договоровъ относится и такъ называемая неустойка. Представимъ себѣ, что нѣкто выдалъ какое-нибудь обязательство на сумму 1,000 р., обезпечивъ срочное исполненіе его неустойкой во 100 руб. за каждый просроченный день; контрагентъ оказался неисправенъ и кредиторъ его ждалъ накопленія неустойки положимъ только годъ, по окончаніи котораго онъ считаетъ себя въ правѣ взыскать съ своего

должника кромѣ 1,000 р. по обязательству еще 36,500 р. неустойки. Такой искъ, строго говоря, будетъ закономѣрнымъ, хотя никто не станетъ сомнѣваться на счетъ его этической стороны. Положимъ пойдетъ такой кредиторъ по адвокатамъ; нечего говорить, что онъ не найдетъ такого присяжнаго повѣреннаго, который-бы согласился поддерживать исковыя требованія кредитора въ размѣрѣ его шейлоковскаго аппетита; но такъ какъ взыскивать неустойку воообще не только непредосудительно, но даже должно, то весь вопросъ адвоката сведется къ опредѣленію исковой суммы. Смотря по особенностямъ конкретнаго случая и субъективнымъ воззрѣніямъ адвокатовъ, одинъ изъ нихъ скажетъ: я согласенъ взыскать вмѣсто 36,500 р. только 500 р., другой—1,000 р., третій дойдетъ до 2000 и т. д. Гдѣ-же граница, дальше которой не долженъ идти адвокатъ?—Границы этой нѣтъ и не можетъ быть внѣ совѣсти самого адвоката. Допустимъ, что адвокатъ пошелъ-бы очень далеко, сдѣлаемъ даже такое насиліе надъ своимъ воображеніемъ: представимъ, что присяжный повѣренный ищетъ всѣ 36,500 р.; можетъ-ли онъ быть привлеченъ къ дисциплинарной отвѣтственности даже и въ этомъ случаѣ? — Не обинуясь отвѣчаемъ: нѣтъ, не можетъ, ибо онъ въ правѣ потребовать отъ своихъ судей объяснить ему, до какихъ предѣловъ могъ идти онъ, не нарушая своего профессіональнаго долга, а такихъ предѣловъ ни одинъ судъ указать ему не можетъ безъ того, чтобы не войти опять въ область „невѣсомаго и неуловимаго." Одна только мѣра и можетъ быть принята совѣтомъ въ подобныхъ случаяхъ, это—avertissiment confraternel, — мѣра вполнѣ достойная и, какъ мы уже видѣли, цѣлесообразная.

Только такое рѣшеніе этихъ „вѣчныхъ вопросовъ" и возможно теперь, если хотятъ сохранить въ адвокатурѣ самыя дорогія ея начала. Говорить, что рѣшеніе это равносильно тому, чтобы развязать адвокатамъ руки „для отстаиванья плодовъ недодѣланныхъ мошенничествъ", чтобы дать имъ возможность безнаказанно вести завѣдомо-недобросовѣст-

ныя дѣла, ехидно спрашивать: не будетъ-ли въ правѣ тогда присяжный повѣренный взыскивать по заемному письму, когда оно оплочено и это доподлинно извѣстно адвокату?— говорить все это—значитъ завѣдомо пускать „жупелы," которые дѣйствительно могутъ напугать тѣхъ, кому и безъ того хотѣлось-бы придать прекрасному облику свободнаго и независимаго адвоката болѣе покладистыя черты лакея. Мы упоминали уже о тѣхъ, кого такъ страшитъ наша свободная адвокатура. И такъ говорятъ „друзья" ея. Вѣроятно изъ тѣхъ-же побужденій дружбы стараются они увѣрить кого-то, что у насъ только „будущее можетъ приготовить кадры честной адвокатуры" *), а что теперь, слѣдовательно, честныхъ адвокатовъ не имѣется! Воля ваша, но, говоря словами Бёрне, мы готовы лучше повергнуться въ прахъ передъ Вицли-Пуцли, пить слюну Далай-Ламы, чѣмъ признавать такихъ друзей и пылать къ нимъ чувствами благодарности! Добрыя намѣренія, какими прикрываются эти друзья, это тѣ самыя намѣренія, которыми, по слухамъ, вымощенъ весь адъ.

Изъ сдѣланныхъ нами краткихъ замѣчаній о настоящемъ положеніи адвокатуры въ Англіи и Франціи видно какъ далеко еще тамъ до идеаловъ; недовѣряясь личнымъ наблюденіямъ своимъ, мы прислушивались къ отзывамъ компетентныхъ лицъ—и здѣсь привели свидѣтельство ихъ. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что наша присяжная адвокатура, при всей молодости своей и при всѣхъ преградахъ, какія ставятъ развитію ея и друзья, и недруги ея, теперь уже стоитъ далеко не ниже многихъ „образцовыхъ" адвокатуръ. Достаточно только просмотрѣть отчеты совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, чтобы убѣдиться, какъ строго блюдутъ они достоинство своихъ корпорацій и какъ рѣдки вообще профессіональные проступки нашихъ адвокатовъ. Чтобы ни говорили о

*) См. книжку г. Джаншіева, стр. VII предисл.

нихъ Марковы, Джаншіевы и tutti quanti, присяжные повѣренные во всякомъ случаѣ составляютъ одно изъ передовыхъ сословій въ Россіи, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не имѣютъ даже себѣ и соперниковъ; такъ, чувства гуманности, склонность извинять въ другихъ не только недостатки, но и самые пороки, чувства всепрощающей любви и искренняго участія въ скорбяхъ страждущихъ и обремененныхъ, — всѣ эти въ высокой степени почтенныя чувства должны развиваться въ адвокатѣ благодаря уже свойствамъ самой его профессіи.

Говоря такъ, мы далеки отъ того, чтобы идеализировать нашу присяжную адвокатуру; какъ и все человѣческое, она и не можетъ быть идеальной. Адвокатъ такъ-же дитя земли и такъ-же сынъ вѣка; въ этомъ качествѣ своемъ онъ силою вещей долженъ носить въ себѣ зачатки общихъ всѣмъ недуговъ. Зачѣмъ предъявлять къ нему требованія неисполнимыя? зачѣмъ, оскорбляя представителей другихъ, не менѣе уважаемыхъ профессій, требовать, чтобы адвокатъ на цѣлую голову переросъ и судью, и врача, и педагога?—онъ долженъ быть просто честнымъ человѣкомъ и тогда eo ipso онъ будетъ добросовѣстнымъ исполнителемъ и своихъ профессіональныхъ обязанностей.

„Адвокатъ есть законъ говорящій, а судья законъ дѣйствующій“,—сказалъ тотъ-же почтенный юристъ Деппъ. Если подчасъ картавитъ или шепелявитъ самый законъ, не относите сего къ винѣ вѣщателя его. Исправьте законы, а еще болѣе исправьте общественные нравы, тогда сами собой сдѣлаются совершеннѣе и присяжные повѣренные. Виноватъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, адвокатъ, если можетъ быть вопреки естественной и соціальной правдѣ онъ будетъ оспаривать право сестеръ на равное участіе въ наслѣдствѣ съ братьями? виноватъ-ли онъ, когда указывая на давность, отрицаетъ силу обязательства, по которому дѣйствительно были получены деньги? виноватъ-ли онъ, если по иску богатаго домовладѣльца проситъ выселить бѣднаго труженника, неимѣющаго возможности оплачивать свою квартиру?

Если намъ скажутъ, что адвокатъ не долженъ брать и такихъ дѣлъ, тогда значитъ нужно совсѣмъ забыть, для чего существуетъ адвокатура. Что скажетъ само общество, когда члены его, встрѣчая по всѣмъ этимъ дѣламъ надобность въ помощи адвоката, взамѣнъ этой помощи услышатъ отъ него такую проповѣдь: не стыдно-ли вамъ обижать сестеръ вашихъ, которые и безъ того уже обижены соціальнымъ неравенствомъ, лишающимъ ихъ возможности такъ-же широко эксплоатировать свои силы, какъ это можете вы! не грѣхъли вамъ, имѣя свой домъ, не удѣлить лишняго для васъ помѣщенія бѣдному труженнику!—Общество въ правѣ тогда отвѣтить ему: снимите, г. адвокатъ, свой фракъ и украшающій его значекъ и облачайтесь въ рясу.

Теперь мы у конца своей задачи. Не смущаясь тѣмъ, что и наши выводы, по выраженію проф. Фойницкаго, могутъ удивить массу публики, мы безъ лицемѣрія отвѣтили на самые жгучіе вопросы адвокатуры. Въ существѣ своемъ адвокатская этика вполнѣ исчерпывается этими вопросами, ибо все прочее, какъ деталь, остается внѣ принципіальныхъ споровъ. Авторъ этюда по адвокатской этикѣ, спѣшно вызвавшій насъ на эту работу, только слегка, какъ-бы машинально коснулся этихъ вопросовъ, не подозрѣвая всего ихъ значенія. По этому можетъ быть больше, чѣмъ слѣдовало, останавливали мы вниманіе читателя на брошюрѣ г. Джаншіева, но насъ легко извинятъ за это, если только вдумаются въ *свойство* обвиненія, брошеннаго имъ въ адвокатуру вообще, а въ насъ въ особенности. Этимъже объясняется и тотъ полемическій тонъ, въ который невольно впадали мы, при всемъ стараніи своемъ обойти все то, что могло представлять одинъ только личный интересъ для кого-либо. Въ этихъ видахъ мы воздержались отъ многаго, что могли и хотѣли-бы сказать г. Джаншіеву въ отвѣтъ на его „этическій“ этюдъ . . . Читатель видѣлъ впрочемъ и самъ, какъ устойчивы и опредѣленны воззрѣнія названнаго автора на самый предметъ этики, какъ своеобразны его

критическіе пріемы; если-же отбросить затѣмъ всѣ личные нападки его *), что останется отъ всего труда его?—весьма легковѣсный фельетонъ, оставляющій по себѣ дѣйствительно сильное впечатлѣніе одной только . . . родомонтады!

---

*) Нападая между прочимъ *на личность умершаго уже* Лохвицкаго, г. Джаншіевъ зарапортовался до того, что ставитъ въ упрекъ покойному профессору, зачѣмъ это члены судебныхъ учрежденій считали его своимъ учителемъ („фактъ!"—замѣчаетъ онъ въ скобкахъ) и зачѣмъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ защищалъ вполнѣ правое дѣло, судьи внимательно и почтительно слушали его („тоже фактъ!"—опять въ скобкахъ восклицаетъ онъ)! Впрочемъ, многіе были недовольны Лохвицкимъ по тѣмъ-же причинамъ, а особенно тѣ, которые сами не привыкли, чтобы ихъ внимательно выслушивали, и которые иногда вынуждали даже судей прерывать себя уже совсѣмъ непочтительными эпитетами (и это тоже фактъ, хорошо извѣстный г. Джаншіеву,—хотя во всякомъ случаѣ прискорбный!).

Цѣна 50 коп.